

КОЖА

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА

18+

В её коже

Евгения Некрасова

Кожа

«Popcorn books»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

Некрасова Е. И.

Кожа / Е. И. Некрасова — «Popcorn books», 2021 — (В её коже)

ISBN 978-5-6046532-7-2

Домна – русская крепостная. Хоуп – чернокожая рабыня на американской плантации. Судьбы героинь невероятным образом пересекаются, и при встрече они понимают, что могут... поменяться кожей. Но оправдаются ли их надежды на лучшую жизнь?..

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6046532-7-2

© Некрасова Е. И., 2021
© Popcorn books, 2021

Содержание

Пилотные слова	6
1. Сладость моя	7
2. Работающая душа	19
3. Своими словами	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгения Некрасова

Кожа

© Евгения Некрасова, 2021

© Alice Hualice, иллюстрация на обложке, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2022

Пилотные слова

Моя кожа – русская. Среднерусская. Белая, бледная, с синеватым оттенком от недостатка витамина D. Готовая быстро и надолго ответить на случайный или специальный удар фиолетово-желтым синяком. Красной блямбой распухнуть от укуса комарихи. Моя кожа бывает скользкая от сала, которое выделяет. В ее широких порах быстро созревают гнойные прыщи и растут черные толстые волосы. Кожа часто чешется, и я извиваюсь, барахтаясь внутри нее. Я ощущаю кожу отдельным живым мешком вокруг себя, я существую в нем, как детеныш, который не способен начать жить самостоятельно.

Моя кожа и я вместе – Евгения Игоревна Некрасова, родившаяся в 1985 году в СССР, выросшая чуть-чуть в СССР, больше и дольше взрослевшая в Российской Федерации, проживающая в Российской Федерации, в Москве. Быть русской и жить в России в общемировом понимании – ужасное неблагополучие и невезение, жить в Москве в общероссийском понимании – привилегия и удача. Я русская на три четверти, на четверть – мордовка (на одну восьмую – эрзя, на одну восьмую – мокша), и я пишу текст о чернокожей рабыне, которая родилась у чернокожей рабыни. И я пишу этот же текст о русской белой крепостной крестьянке, которая появилась в семье русских крепостных. У всех моих предков – белая русская и мордовская кожа, крепостная кожа. Я пишу этот текст и о себе. У меня есть право писать фикшен о себе и о крепостных крестьянах, а из-за моей белой кожи у меня нет права писать фикшен о чернокожих рабах. Но, может быть, у меня есть право попытаться – из-за общности рабского опыта предков, из-за общности современного предубеждения (молниеносного – из-за небелой кожи, довольно быстрого – из-за акцента или русского имени), а главное – because of my love for black people's literature and folklore.

1. Сладость моя

Я споткнулась о череп. Лежу, нет сил подняться. Не стала спрашивать, как он там оказался. Их Юг хрустит на зубах сахаром и костями. Кости ломаются и перемалываются о сахар.

Попросила:

– Расскажи что-нибудь, Братец Череп.

Он поскалил и спросил свистяще:

– А ты любишь сахар?

– Очень, Братец Череп. Это моя главная зависимость. Я бросила курить, пью мало, никогда не пробовала наркотики. Но без сладкой дозы могу продержаться не дольше чем полдня. Дерматолог прописала мне отказ от сладкого, тогда моя кожа прекратит выдавать гнойные прыщи, я похудею, у меня перестанет повышаться давление. Но я не могу. Сахар – моя свобода. До пяти лет я не ела сладкого из-за диатеза, выгрызавшего кожу красной коростой, которая болела, чесалась и кровила. Меня раз укутали перед гулянием в рейтузы, шубу, шарф, варежки, шапку, сапоги. Выставили в подъезд, чтобы не потела. Соседка шла мимо, увидела милого ребенка, подарила эклер. Я сняла варежку, чтобы держать его голой ручкой. Варежка болталась на резинке из рукава кроличьей шубы. Дедушка нашел меня радостной, со счастьем в руках. Он очень любил меня, забрал эклер, не знаю, что с ним стало, жаловался маме, как такое могли подарить ребенку. Я не знала вкус эклера, но понимала, что я потеряла что-то невероятное. Потом диатез сгинул, а на детей и взрослых посыпался сахарный наркотический снег из Америки, упакованный в сникерсы, марсы, натсы, виспы. С тех пор я начала принимать сладкое. Когда я выросла, молочно-шоколадные батончики сменились черно-шоколадными плитками. Когда я начала немного состариваться, попыталась перейти на бессахарные сладости. Но сахар меня не отпускает. Я одна из его многомиллионных душ. А отчего у тебя так мало зубов, Братец Череп? Из-за любви к сахару?

Череп посмеялся и ответил, что начнет с сахара. Я передаю, как умею.

* * *

У них жарко и сладко, жарко и сладко. Юг их хрустит на зубах – костями и сахаром. Юг этот – возлюбленный мух. И предпринимателей. Они многие богатые. У самых бедных – пятьдесят душ. Дома – большие, деревянные, белые, колонны – деревянные, белые. Люди внутри тоже белые. А вне дома – люди черные, коричневые или светло-бурые, как сахар. Все они – работающие с сахаром. Работающие делятся на три страты: Очень сильные, Сильные средне, Слабые. Очень сильные выкапывают глубокие ямки мотыгами, сажают туда тростниковые черенки, приносят на своих головах корзины с калом животных (одной огромной корзины хватает на две ямки), удобряют им тростник, удобряют-поливают-удобряют-поливают; когда наступает сезон и сахарный лес становится выше их роста, рубят его, срезают верхки и листья; потом мелют на мельнице; дальше варят, помешивая, в четырех-пяти котлах – поочередно, круглые сутки, посменно, двенадцать часов; потом помещают сироп в горшки охлаждения; далее сливают мелассу и раскладывают затвердевший сахар сушиться под солнцем. Сильные средне делают почти все то же самое, что и Очень сильные, но с меньшей силой и быстротой, они часто на подхвате, а еще они связывают срубленные стебли и пакуют высушенный сахар в мешки, которые уплывают через океан. Сильные средне – бывшие Очень сильные, которые проработали десять – двенадцать лет, потеряли здоровье и в двадцать пять – двадцать семь лет перешли в страту послабее. Слабые – это дети и немолодые люди, они выкорчевывают сорняки и ненужные тростниковые части и скармливают их животным. Еще Слабые охотятся на грызу-

нов, которые любят тростник. Слабые – это бывшие Сильные средне, которые совсем потеряли силы и здоровье и к сорока годам не могут работать, как раньше. Еще Слабые, бывает, занимаются общественным трудом для работающих: приглядывают за детьми, готовят обеденную еду, шьют, стирают.

Голд еще в двенадцать лет оказалась среди Очень сильных. У нее ширина и рост. Такой, что ее макушку часто видно среди вершков тростника. Она одна может срубить дерево. Она одна рубит столько тростника в день, сколько рубят четыре мужчины. Голд дорога Хозяину. Ее все боятся. Работающие, наблюдающие, Хозяин, его семья. Из-за своей силы Голд будто королева сахарного леса. Ей уже двадцать восемь, а она все еще остается среди Очень сильных. Ее велено кормить в обед двойной порцией. Она может начинать работать откуда хочет. Ей можно чуть больше. Наблюдающие ее ненавидят, хозяин-капиталист не чувствует про нее, а думает, только пересчитывая ее на доллары, работающие ее недолюбливают: кто-то боится, кто-то завидует силе, но многие, особенно женщины, – и то и другое одновременно, потому что она одна и мало с кем говорит.

Голд родила Хоуп. Полежала недолго в хижине и вернулась с привязанным к себе младенцем. Бабушку и дедушку Хоуп украли из Африки. Привезли на разных кораблях с разницей в месяц. Они пропали вместе одновременно – работающие говорили, что улетели обратно. Отец Хоуп был продан в другой сахарный лес почти сразу после ее зачатия. Он был женат на другой работающей, Голд его любила, но не показывала любовь ни ему, ни кому другому. Его жена плакала, и все работающие ее жалели. Про него и Голд никто не знал. Одна тетя Хоуп работала в белом доме. Голд с ней не разговаривала: им негде и некогда было встретиться. Вторая тетя Хоуп умерла от болезни. Хоуп росла, привязанная к матери. Голд боялась, что девочку заберут к Слабым, – не отпускала ее на землю. Хоуп пила материнское молоко с потом. Это была единственная соль, которую она пробовала. Соль считалась едой белых. В сезон сбора урожая Хоуп в рот падала сладость сахарного леса – это была единственная сладость, которую она пробовала. Лес – волшебный, как волшебная ее мама, – возвышался над ней, а потом летел на землю, становился ниже. Голд отпускала дочь ползать только по земляному полу хижины.

По субботам после службы и ужина все работающие собирались у костра и рассказывали друг другу истории, пели песни. Голд не любила общаться, но даже она стала приходить, когда появилась Хоуп. Понимала, что дочери надо знать своих людей. Многие работающие зауважали Голд, когда она родила ребенка и стала уязвимой наравне с остальными. Хоуп больше всего нравились истории, где улетали за океан. Ей уже рассказали у костра про полет ее бабушки и дедушки. Голд злилась, просила дочь не верить в сказки. Голд тихонько пела-бормотала дочери о том, как копает мотыгой ямы, как взваливает на голову мешок с навозом, как рубит тростник, как мелет его на мельнице, как мешает его и боится, что ошпарит дочь, как кормит Хоуп грудью, как готовит кукурузную кашу вечером, как они засыпают в хижине, накрывшись одним дырявым, будто расстрелянным, пледом; о том, как хватило сил самой, одной построить дом, сделать стол, скамейку, кровать, печь, но не хватает их, чтобы зашить плед, о том, как Хоуп помочилась прямо на земляной пол и он выдал грязь, о том, как плачет спина, болят руки-ноги, о тех, кто умер от болезни, родов, был засечен до смерти, был продан или куплен, потерял руку в молотилке, о том, как ребенок той-то сварился, упав в чан с кипящей сладостью. Голд ненавидела сахар, хотела дочери другой жизни – чтобы она не растила и собирала сахар, а ела его.

Хоуп исполнилось уже шесть, но выглядела она младше и меньше. Голд не отпускала ее, ощущала дочь еще одной своей частью – третьей грудью или рукой. Один раз только Голд отвязала от себя дочь и дала в руки другому работающему человеку – когда Хоуп крестили. Для Хоуп тело матери было землей, по которой можно ходить, на которой можно спать и находить питание, – планетой, но не круглой, а в форме огромной родной женщины.

Голд стала быстрее уставать, потому что живущая на ней дочь тяжелела и просилась ходить, бегать и летать. Но за ними надзирали. За всеми работающими на плантации надзирали дулами и глазами. За Голд особенно. Как за королевой. Хозяин распорядился ждать, когда Хоуп быстрее матери вырастет в крупную прибыльную силу и лет с десяти сможет присоединиться к Очень сильным. Хозяин подошел к Голд с надзирающими, надел перчатки и протянул руки, пожелав взвесить Хоуп в своих руках. Но Голд поглядела на него как волчица и продолжила мешать сироп. Остальные работающие перестали мешать и застыли. Надзирающие принялись кричать на них. Хозяин ушел, но запомнил, что ребенок был мельче среднего и не передвигался, велел надзирать дальше и докладывать.

Голд принялась отпускать Хоуп походить по земле во время обеда. Та бегала, прыгала, падала, махала руками, чтобы полететь. Хоуп звала мать играть с собой, догонять ее, пытаться улететь вместе. Голд бегала за ней по сахарному лесу, ее макушка мелькала выше его вершков. Игра с дочерью – ее главная радость и свобода. «Моя сладость», – называла она Хоуп. Настоящая сладость. Голубоглазый надзирающий надзирал. Он ненавидел Голд очень сильно, так как она два раза огрызнулась на него, не знала своего места. Он не мог ее выпороть, потому что не справился бы с ней. Не мог запихнуть ее в бочку с гвоздями. Потому что не было таких бочек. Хоуп тяжелела, брыкалась на матери, той было неудобно работать – она стала спускать дочь на землю во время работы. Один раз играла с ней в догонялки во время самой работы. Надзирающий рассказал Хозяину. На следующий день за Хоуп пришли. Подгадали момент, когда она, не привязанная к матери, выбежала из сахарного леса и замахала крыльями, чтобы улететь. Голд, улыбаясь, выскочила за ней, а Хоуп уже была в руках надзирающих.

Хоуп не отправили к Слабым работать – Хоуп не отослали работать в белый дом. Это было все то, чего боялась Голд. Она не боялась задавить дочь во сне, задеть ее мотыгой или секачом, уронить ее в кипящий чан. Голд, несмотря на свое великанство, хорошо чувствовала свое тело, а Хоуп была частью этого тела. Случилось то, к чему Голд не могла даже выработать страха или другого отношения, потому что это было сказкой. Хоуп продали в другой сахарный лес, и дешево. Не в соседний, а через один, а главное – через реку. От нее избавились, она мешала Голд работать – Хозяин пересчитал это на деньги. Голд сломала свой секач и ушла в свою хижину, легла там и не выходила больше работать. Просила передать Хозяину, что выйдет снова на работу, когда ей вернут Хоуп. К ней приходили работающие женщины, жалели ее, боялись за нее, уговаривали вернуться рубить сахарный лес. Она не шевелилась. Приходили надзирающие, пытались ее вытащить и высечь, но она просто оттолкнула их. Надзирающие велели работающим выволоочь ее и высечь. Они отказались. Надзирающие подожгли хижину Голд, она вышла, села спиной к пожару, сложила руки крестом, как богиня, и не двинулась. Хозяин считал убытки.

Хоуп же пришлось теперь много ходить. По твердому деревянному полу. Она все никак не могла понять, куда делись главные ее мягкие земли – материнское тело и почва. Хоуп купили маленькие капиталисты, на их плантации трудилось всего тридцать работающих. Сахарный лес, где работала Голд, растили примерно пятьсот работающих. Хоуп спотыкалась: она не привыкла так много ходить, в ее ступни впивались деревянные щепки. Хозяева ее ругали, она пачкала кровью пол, но дали ей прежние ботинки Дочери хозяев. Хоуп жила на кухне вместе с другой работающей – старухой, которая выполняла работу по этому белому дому. Который был не белый внешне, а деревянный, неокрашенный. Хоуп приставили к хозяйским детям-близнецам, которые были ее старше на три года. Она спросила два раза, когда она снова окажется с матерью. Новая Хозяйка ответила просто – что никогда, а если она будет спрашивать, ее высекут. Новые хозяева во всем были простыми людьми. Они ели простую еду, не сильно отличающуюся от еды работающих, одевались в простую одежду, просто разговаривали. Хозяйка и Муж хозяйки сами надзирали за своими работающими. Хозяйка кричала на них, и крик этот был слышен через реку. Хоуп быстро поняла, что надо делать, и делала, но очень и постоянно

хотела обратно на материнское тело. Не говорила никому об этом. Было некому. Старая женщина Кристина – единственная из домашних работающих – сильно уставала и не чувствовала к Хоуп никаких материнских и бабушкинских чувств. У Кристины убили сыновей, невесток и четырех внуков, когда все они пытались бежать. А ее, единственную небожавшую и выжившую, продали сразу и дешево на эту плантацию.

Голд не работала почти две недели. Хозяин велел забрать у нее всю еду, но она все равно не ела. Убытки росли быстрее сахара. Голубоглазый надзирающий придумал. Он пришел на плантацию, где жила теперь Хоуп. Спросил у Хозяйки, не продает ли она свинью. Свиньи Хозяев считались самыми жирными. Хозяйка не продавала. Голубоглазый надзирающий схватил Хоуп, когда она кормила животных, подставил к ее горлу нож и срезал с шеи деревянный крестик. Вернувшись через реку, он принес его Голд и пообещал, что, если она не начнет работать, он перережет в следующий раз ее дочери горло. В этот же день Голд пришла в поле. Хоуп рассказала Хозяйке, что Голубоглазый надзирающий отнял у нее крест. Хозяйка велела не врать и обещала за вранье оставить ночевать в поле с крысами.

Тут примерно я его и остановила, потому что вспомнила.

* * *

– Слушай, Братец Череп, я тут вспомнила, как провела шесть часов в очереди в подольском УФМС, чтобы донести на себя о своем двойном гражданстве. На соседней лавке на металлических ногах с пластиковой кожей сидели пять человек, которые приехали в мою материнскую страну работать. Худые, невысокие и юные. Я занимала половину такой же лавки. Люди вжимались в себя и делались еще меньше. Меня интересовал кабинет прямо напротив меня, ими интересовались из соседнего кабинета. Дверь в него была разинута. Девушка с черночулочными ногами, в форме с погонами выскокивала из рабочего пространства, где она и мужчины в похожей форме заполняли данные на компьютере, и время от времени допрашивала их – тыкала вопросами. Ей на вид было двадцать пять, им по девятнадцать-двадцать, мне тридцать. У нее не сходились данные, она громко говорила мужчине, что кто-то из приехавших работать врет о своем имени или годе рождения. Мужчина не отвечал или отвечал тихо. Ее слышали все в коридоре: и трудовые мигранты, и я, и такие же, как я, желающие донести на себя. Но она появлялась из двери и кричала поселившимся на лавке пятерым мужчинам-детям, что кто-то из них врет, точно врет, а если не признается, то она запрет их в кабинете на ночь с крысами. А они молчали.

* * *

Череп поклацал зубами и продолжал. Без матери, среди чужих людей Хоуп ощущала себя голой, без кожи. Часто мерзла, особенно по ночам. Чувств и ощущений Хозяева от нее не ждали. Она выносила горшки детей, убиралась за ними, отгоняла от них мух, когда они спали, помогала им мыться и одеваться. И мальчику, и девочке – она для Хозяев не была ни мальчиком, ни девочкой. Девочке она помогала больше, но только потому, что той полагалось больше заниматься внешностью, например расчесываться, делать прическу, вязать банты. В тяжелых желтых волосах Хоуп поначалу путалась, как в лесу, но научилась справляться с ними. Хозяева тоже давали Хоуп задания. Помогать Кристине накрывать на стол, мыть пол. После ужина Хозяйка ложилась на кровать и велела Хоуп чесать ей пятки. Муж хозяйки поручал следить за свиньями и давать им корм. Хоуп помнила, как все работающие не ели соли, как Голд не ела соли. Но она и Кристина теперь жили в белом доме и ели ту же еду, что и Хозяева. Соль была замешана в еду изначально. Хоуп старалась есть меньше, но она росла, хотелось есть, и рот Хоуп при помощи ее рук будто сам доедал порцию до пустой тарелки. Хоуп никогда

не досаливала еду и боялась соли. Она даже попросила Кристину класть меньше – та сильно разозлилась и сказала, что это никак Хоуп не поможет, пусть не надеется и забудет. Дочь хозяев поняла боязнь Хоуп соли, и они с Сыном хозяев пробирались на кухню после своего обеда и насыпали много соли в оставшуюся для домашних работающих еду. Еще Дети хозяев любили называть Хоуп всеми теми словами, которые выкрикивала на работающих их мать. Чаще всего эти слова обзывали кожу Хоуп и кожу других работающих. Хоуп нравилась ее кожа, она была красивая. Она так и ответила Дочери хозяев. Та бросила в нее кошку. Хоуп поймала кошку и погладила.

Дети хозяев были настоящими напарниками, очень похожими внешне, разными по характерам, но они всегда занимались одним общим делом. Прикрывали провинности друг друга перед родителями, делились друг с другом едой или, наоборот, за другим доедали то, что не хотел один из них. Вину за сломанную мебель, порванную одежду, опаленные усы у кошки они брали по очереди, и неважно было, кто именно совершил проступок. Хоуп это нравилось в них, она понимала, что это любовь. Они с Голд тоже были напарниками. Они делали все вместе, давали друг другу силы. Хоуп иногда плакала по ночам, Кристина вращалась вокруг самой себя, но ничего не говорила.

Близнецы хозяев придумывали на двоих игры. Дочь хозяев начинала сочинять, Сын продолжал – так рождалась новая игра. В похороны, в ограбление, в свадьбу (они женились друг на друге). Были и простые игры – в мяч, обычные прятки, ладошки. Когда появилась Хоуп, они придумали играть в побег работающей. По сценарию Хоуп сбегала, пряталась на плантации, а Близнецы должны были ее найти, чтобы высечь. Они уже приготовили плеть из ветки. Хоуп стала играть, что сбежала. Пришла на поле, где работающие копали ямки для тростника. Помахала руками, пытаясь улететь, но белая соль сидела внутри тела и не давала ей оторваться от земли. Работающие вокруг смотрели кто с жалостью, кто с раздражением, кто со смехом. Когда не удалось улететь, Хоуп пришлось прятаться. Она убежала к хижинам работающих и споткнулась обо что-то. Оказалось, о закопанную железную ручку. Хоуп раскопала землю и увидела деревянную крышку, которую ручка держала. Вспомнив всю силу своей матери, Хоуп подняла крышку, под ней оказался погреб с овощами. Хоуп накидала на крышку земли, приподняла аккуратно, чтобы почва не ссыпалась, влезла в погреб, закрылась и улеглась на батате и кукурузе. Она думала, что хотела улететь, а теперь лежит под землей. Дети хозяев искали Хоуп два часа, даже забрели к хижинам работающих. Почти все они были закрыты, кроме тех, где лежали немощные старики. Дети хозяев заходили туда и не находили Хоуп. Протопали совсем рядом с ее погребом. Хозяин погреба Джон – а работающие секретно от своих хозяев тоже были хозяевами чего-то, в частности тайных запасов еды, – побежал во время обеда проведать лежащего отца и заметил, что на крышке его тайника поредела земля. Он оглянулся по сторонам, поднял крышку и нашел спящую Хоуп. Он разбудил ее и шепотом отругал, она сказала, что ничего не съела (хоть очень хотелось), а просто играла с Детями хозяев в прятки. Невысокий, но крепкий, уже из Сильных средне, он вспомнил, что видел, что она та девочка, которая работает в белом доме, и что видел ее на службе, когда она приходила со старой Кристиной. Джон сказал ей, чтобы она никогда не играла с Хозяевами и не рассказывала никому про его погреб. Близнецов нашел Муж хозяйки, заметив их на территории, где жили работающие. Привел их домой, где они признались, что играли с Хоуп в ее побег и поиски. Хозяйка строго-настрого запретила им играть когда-либо с Хоуп и с другими людьми с такой кожей. Детей хозяев лишили обеда. Перемазанная землей Хоуп вернулась, ее лишили обеда и ужина и запретили играть с настоящими детьми. Еще Хозяйка пообещала Хоуп перевести ее из дома в поле, если она когда-то уйдет с территории белого дома без хозяйского распоряжения. Ок, Хоуп поняла: играть ей с Хозяевами нельзя. Ночью перед сном голодная Хоуп помогала Дочери хозяев расплестись, та спросила ее шепотом, где работающая пряталась. Хоуп обстоятельным шепотом ответила, что улетала за реку к маме.

Хоуп решила, что она хоть и обязана делать то, что говорят Хозяева, но думать как они и думать о них она не станет. Они не могут залезть ей в голову и управлять ее мыслями. Она – работающая, Хозяева – просто ее работа. Хоуп решила думать только о Голд, о себе, о том, как увидиться с Голд, о том, как улететь к бабушке и дедушке. К Хозяйке приходил замерщик земли – определить границу их сахарного леса с дорогой, Хоуп приносила им напитки и увидела карту – лоскутный плед с мелким хозяйским пятном-плантацией, лентой дороги, толстой змеей реки, плантацией промежуточного соседа в форме огромной двери, лесом в форме окна и большим куском пирога плантации Хозяина Голд. Хоуп запомнила карту навсегда, и думала про нее, и рисовала ее веткой на земле у свинарника.

Дочь хозяев, наоборот, о Хоуп много стала думать. Она не поверила в то, что работающая может летать, но ощутила острую зависть к самой этой придумке, к тому, что у Хоуп – за речкой мама, к которой можно воображаемо летать. Это походило на сказку, и работающая была ее главной героиней. А она, Дочка хозяев, – второстепенный или даже злой персонаж. Ночью Хоуп не плакала, но не спала от голода, а главное – от мыслей. После своего игрушечного побега и воображаемого полета к матери она решила, что побег к маме, временный, можно сделать настоящим. Надо только допридумать. Дочка хозяев не спала тоже, плакала от осознания того, что она навсегда останется второстепенным персонажем жизни. Сын хозяев спал, они с сестрой много потратили сил, когда искали Хоуп.

Хозяйка купила доску и мел. Наняла Близнецам Учителя. Он приезжал из города четыре раза в неделю. Не носил очков, поэтому Хозяйка сомневалась, что Учитель – хороший учитель, но он брал ровно столько, сколько Хозяйка планировала потратить на образование детей. Учитель учил Детей хозяев читать, писать и считать. Хоуп работала на некоторых занятиях. Мыла доску, ходила промывать тряпку, приносила мел из кладовки или лимонад Учителю. Она подглядывала и училась. У свинарника писала имя матери и свое на земле, считала свиней, ботинки, когда их мыла, вычитала почищенную картошку из непочищенной. Сын хозяев догадался, что Хоуп подглядывает и незаконно учится, хотя всем известно, что работающие не должны получать знания. Он попытался рассказать об этом сестре, но она Хоуп уже не интересовалась. У нее появился шанс очутиться в своей истории и стать главной героиней. Учитель был первым человеком мужского пола (родственники и работающие для нее были не в счет), которого она увидела в жизни. Она наблюдала мужчин и мальчиков в городе, но все они были прохожими, а этот приезжал специально к ней (ок, к ним) и обращался к ней (ок, к ним) напрямую. Сын хозяев чувствовал, что сестра впервые откололась от их партнерства. Она старалась для Учителя и училась хорошо. Просила Хоуп заплести ее с бантами перед занятием. Надевала свое самое дорогое платье. Она и раньше его надевала на занятия, но сейчас она надевала его с особым чувством. У нее началась ее собственная, личная игра, в которую она не взяла брата. Она объясняла брату решения задач и озвучивала правильные ответы при Учителе, но вне занятий все реже играла с ним и не помогала ему с домашним заданием. Зато с ним помогала Хоуп. Взамен она попросила Сына хозяев не солить их с Кристиной еду. Он ответил ей на это, что вообще-то все работающие работают бесплатно, не за что-то, потому что так устроена жизнь в их стране. К тому же он дает ей возможность учиться, и она должна быть благодарна. Но солить перестал.

Не только для Дочери хозяев Учитель был важным явлением. Для него принялась одеваться и сама Хозяйка. Перед занятиями она уговаривала его выпить чаю, после – остаться обедать. Невысокий, полноватый, мягколицый Учитель с тихим голосом и скованными манерами тоже почесал ей сердце. Других мужчин она не видела годами (родственники и работающие не в счет), соседи были слишком крупные капиталисты, ощущающие себя аристократией, и с ними не общались. Муж хозяйки почувствовал, что жена откололась от него и даже начала отказываться от власти, которой у нее накопилось много. Она настояла, чтобы занятий стало пять в неделю, а не четыре. Подняла Учителю жалование и не выходила в поле руководить

работающими. С вечера готовилась к приезду Учителя, обдумывала обед, с утра наряжалась и ждала приезда Учителя, как наряжалась с помощью Хоуп и ждала Дочь хозяев, потом поила Учителя чаем, потом ждала три часа занятий, потом уговаривала его остаться обедать. Иногда ей удавалось убедить его. Муж хозяйки обедал в это время в поле, отдельно от работающих, под навесом, но как бы вместе с ними. Раньше они так обедали вместе. Все – и хозяйка, и работающие – видели густоту эмоций, образовавшуюся в этом белом доме. Хозяйка и Дочь хозяев чувствовали друг к другу конкуренцию. Хоуп училась, теперь она узнала: бывает так, что мать и дочь могут связывать не любовь и забота вовсе. Она знала, что между ней и Голд никогда не будет зла.

Дочь хозяев, как маленькая женщина, хотела поговорить о первой своей любви с другой женщиной. Мать-соперница исключалась, Кристина всегда молчала – оставалась Хоуп, хоть она и работающая. Но Дочь хозяев чувствовала, что от любви задохнется, если не поговорить. Утром она попыталась заговорить с Хоуп, когда та помогала ей мыться и одеваться. Работающая сразу поняла, что Дочь хозяев хочет затянуть ее в свое переживание и заставить думать про нее. Это не пройдет. С одеванием как раз закончили. Хоуп взяла наполненный ночной горшок Дочери хозяев и сказала, что пойдет сольет его, чтобы не засел запах. Дочь хозяев еле собрала себя, чтобы не заплакать от обиды.

Учитель не понимал ничего из происходящего. Хозяйка вдруг попросила научить ее танцевать. Специально с поля был приведен Джон, он играл на губной гармошке. Учитель задумался, не понимая, его кожа выдавала цвет редиски. Они с Хозяйкой принялись двигаться по комнате. На звук гармошки пришли кошка, Близнецы и Хоуп. Когда этот танец закончился, Хозяйка желала попросить научить ее еще одному, но тут встряла Дочь хозяев, взяла Учителя за руки и попросила научить ее. Учитель сделался помидорным, что-то все же понял, но они с Дочерью хозяев принялись двигаться по комнате. Даже без музыки – Джон поспешил заиграть. Но Хозяйка прервала его и отправила Дочь в ее комнату, Сына – в его комнату, Хоуп – на кухню, Джона – в поле. Учитель сам сказал, что ему пора. Дочь хозяев плакала ночью. Хоуп стало ее очень жаль, она пришла, изображая, что хочет внести ночной горшок, но Дочь хозяев обозвала ее словом про цвет кожи, и Хоуп ушла спать. Хозяйка плакала ночью, ее муж и ее сын спали крепко, они ощутили, что густота рассосалась. Хоуп хотела было не поспать, переживать про это все, а потом подумала: белые люди, ну их.

Сын хозяев, отстраненный своей сестрой, матерью, никогда особо не общавшийся с отцом, хотел играть. Сестра играла с ним редко, с Хоуп ему играть не разрешалось. Тогда он принялся играть с собакой, которая приходила на плантацию со стороны реки. Старый работающий Сэмуэль посоветовал Сыну хозяев не играть с пришлым животным. Сын хозяев не собирався слушать работающего. Он гладил пса, бросал кусок тростника вдаль и велел приносить обратно, кормил его сахаром, как собаку аристократов. Утром после танцев Хозяйка написала письмо Учителю о том, что в его услугах не нуждается больше, а Дочь хозяев прицепилась снова к брату и отправилась с ним на реку. Он вдруг понял, что не рад, но не стал с ней спорить. Собака была тут же. Сегодня она не подбирала тростник, не выполняла команды, не давалась Сыну хозяев гладиться, не виляла хвостом. Тогда Дочь хозяев сказала, что собака точно дастся погладиться ей, подошла, протянула руку. Зверь показал блестящие челюсти, зарычал многоголосо и укусил Дочь хозяев. Она разболелась в течение трех часов. К вечеру была без сознания. Собаку подстрелил Муж хозяйки. Через утро Дочь хозяев умерла.

На похороны пришли даже некоторые соседи-предприниматели, которые с Хозяевами обычно не общались. Появиться там означало показать свою христианскость. Среди гостей похорон был бывший Хозяин Хоуп и Хозяин Голд. Хоуп узнала его. Хозяйка выла и рычала, Муж хозяйки вроде был зол и краснел от этой злости, как Учитель недавно во время танцев. Сын хозяев стоял сухим тростником, не шевелился, мало дышал и удивлялся немного происходящему. Все работающие Хозяев стояли чуть в стороне, опустив головы, многие плакали. Хоуп

подумала, что это второе быстрое горе в ее жизни. Продажа сюда, смерть Дочери хозяев. Хоуп решила подумать, что хуже. Но не успела. Бывший Хозяин Хоуп и прежний Хозяин Голд при выражении соболезнований капиталистически кивнул в сторону работающих и сказал Мужу хозяйки, что те чувствуют их, предпринимателей, горе и что с теми надо не давать слабину, надо наседать на них со всей силой, а то они будут использовать хозяйскую слабость в своих целях. Хоуп стояла с Кристиной ближе всех из работающих, она услышала предпринимателя и осознала, что сейчас наступает выигрышная ситуация для встречи с Голд.

По утрам руки Хоуп по привычке готовились заплетать желтые косы. Однажды спросонья она зашла в комнату Дочери хозяев, забыла, что надо сразу Сыну хозяев нести умываться. Увидела пустую запроваленную постель, поставила кувшин на пол, села на кровать. Перина оказалась Хоуп слишком мягкой. Зашла Хозяйка и закричала, употребив оскорбительное слово про кожу. Хозяйка пнула кувшин, пол мокро потемнел. Прибежали Сын хозяев и Муж хозяйки. Хозяйка кричала, что работающая хочет занять комнату ее дочери. Хоуп убежала на кухню, потом к свинарнику и до ночи не заходила в белый дом.

Он стал страшен своей пустотой. Хозяйка ходила теперь снова с Хозяином в поле. Они проводили там больше времени, чем обычно. Хозяйка кричала сильнее. Велела мужу наказывать своих работающих сильнее. Сын хозяев остался совсем один. Теперь уже без сестры, без отца и матери. Он догадывался, что мать считает его виноватым в смерти сестры, но сам себя таким не считал. Без сестры жить было маловозможно. Неинтересно. Ему запретили уходить дальше двора. Он ходил и маялся. Поднимался к себе и лежал. С родителями ели молча. Наступил день, когда он очень захотел играть. Но было не с кем. Он огляделся. Кошка торчала на заборе. Она не нравилась ему, к тому же ее не поймать. Хоуп подметала крыльцо веником выше себя ростом, будто танцевала с ним. Сын хозяев подошел к Хоуп плотно и смотрел на нее. Она перестала мести. Он сказал, что хочет поиграть. Его родители еще долго будут в поле. Она кивнула. Он объявил игру в ладошки. Хоуп вытянула руки. Сын хозяев поглядел на них и сказал, что не может играть с ней из-за цвета ее кожи. Хоуп хотела продолжить мести. Сын хозяев сказал, что придумал. Он ушел и вернулся с белыми мелками, которые остались от занятий. Он протянул их Хоуп, велел намазать ими лицо, шею, руки. Работающая покачала головой. К ним пришла кошка, села на крыльцо и повернулась в сторону руки. Она любила Хоуп. Сын хозяев сказал, что тогда прикажет ее высечь. Хоуп покачала головой. Тогда он сказал, что расскажет матери, что она ходила лежать в постели Дочери хозяев. Хоуп пожалала плечами. Сын хозяев схватил кошку, сжал той шею и сказал, что он убил сестру и кошку ему убить не страшно. Хоуп пожалела его своими большими коричневыми глазами. Он заплакал. Отпустил кошку, взял мел и принялся зарисовывать ей щеки. Хоуп дернулась, забрала у него мелки, растерла их камень о камень и намазалась крошкой. С белыми щеками, лбом, носом, подбородком, шеей, руками и даже ладонями она играла с Сыном хозяев в ладошки. При каждом соприкосновении их рук разлеталось белое облако.

Хоуп долго смывала мел, поливая себе в ладонь из кувшина. Но белость только размазывалась по коже. Ночью Хоуп не могла заснуть из-за запаха мела и ощущения другого слоя на себе. Все спали. Она встала. Тихо вышла из белого дома, прошла сквозь заросли, спустилась к реке, зашла в воду, окунулась, вынырнула и терла кожу, смывая с себя белость. Она увидела противоположный берег с сахарным лесом капиталиста-предпринимателя, соседа Хозяина ее матери. Зашагала дальше в воду, а потом поплыла. Это получалось как полет, только в воде. Надо было махать руками. На второй половине реки Хоуп принялась тонуть. Полет окончился, сделалось одно барахтанье. Силы кончились, Хоуп стала падать с поверхности воды. Ее плечи, шею, подбородок, лоб сожрала река, но ноги ее воткнулись в мягкое дно. Макушка оставалась на поверхности. Хоуп задрала голову, чтобы вернуть наружу рот и нос. На цыпочках она направилась к дереву. Дно чавкало, жевало Хоуп заживо. Зато уже вся голова ее оказалась вне воды. Дно тянуло свое. Хоуп подергала ногой и вышла на берег без одного ботинка. Дальше она

двигалась через первый сахарный лес. Луна освещала его как единственная, но сильная свечка. Тростниковые стебли стояли, как обычно, сладкой своей армией. Хоуп шла долго. Сахарный лес был одинаков спереди, сзади, по бокам. Он окружал ее и обволакивал. Хоуп перестала понимать, куда идти, она заметалась. Вдруг впереди она увидела девочку чуть меньше себя. Та стояла среди стеблей в белом платье, которое светилось от луны. Хоуп приблизилась к ней. Кажется, девочка была из работающих. Хоуп спросила ее, как выйти из сахарного леса и пройти к просто лесу. Девочка двигала челюстью, отвечала. Хоуп сказала, что ничего не слышит. Подошла еще ближе, чтобы расслышать девочку. У той были пуговичные глаза, черное блестящее лицо. Она потянула к Хоуп палку, тоже обмазанную смолой. Хоуп отстранилась. Сказала, что ничего не ворует, а заблудилась и ищет выход к лесу. Девочка покрутила глазами-пуговицами. Подняла другую смоляную палку, показала ей направо, потом опустила вниз и показала на линию ряда на почве. Хоуп поблагодарила и побежала по этому ряду, никуда не сворачивая.

В его конце чуть не налетела на надзирающего с ружьем. У Хозяина этого леса были деньги, чтобы нанимать дополнительных ночных надзирающих. Ковыляя, Хоуп вышла из сахарного леса, зашла в просто лес. Ветки и корни кололи голую левую ногу. Деревья равнодушно стояли в темноте. А Хоуп просто шла и уверена была, что к маме она двигается правильно. Она рисовала этот путь много раз веткой на грязи у свинарника. Когда лес кончился, Хоуп увидела светящийся в темноте огромный белый дом своих бывших Хозяев, в котором она никогда не была. Снова зашла в лес, прошуршала по его кромке в сторону хижин работающих. Их дом исчез. Вместо него стояла низкая и узкая хижина, больше похожая на гроб, в который положили Дочь хозяев, чем на дом. Мать никак не могла тут поместиться. Хоуп огляделась – место было верным. Она решила зайти и спросить про мать. Было не заперто. В хижине помещалась только циновка и чуть пространства было оставлено для чего-то еще. На циновке спала женщина. Хоуп аккуратно подергала ее за плечо. Голд проснулась.

Голд снова держала Хоуп на своем теле. Оно сильно уменьшилось, состарилось. А Хоуп выросла и занимала гораздо больше места на матери. Это вернулось счастье – идеальное состояние Хоуп, которое складывалось из любви и спокойствия. Голд распутала тюк-подушку. Достала белое платье для церкви, ей сшили его сочувствующие работающие женщины. Передела дочь в сухое, платье повесила сушиться на мотыгу. Ходила по хижине-камере с Хоуп на руках, укачивала ее, как совсем маленькую, и тихонько ей пела о том, как сожгли хижину, как ее перевели в Сильные средние, как над ней смеются надзирающие и даже некоторые работающие, о том, что у нее нет больше силы и власти, что она построила эту новую хижину как временную – не для жизни, а для ожидания Хоуп, что оставила для Хоуп немного места и вот она пришла. Хоуп пыталась не засыпать, но зачем еще материны руки. Голд ходила-пела. Соседка Грейс сказала мужу, что Голд снова поет ночью ребенку, которого нет. Голд ходила-пела. Хоуп спала.

Голд разбудила Хоуп. Они сидели на циновке. Голд надела на шею дочери ее старый деревянный крест, который швырнул в нее Надзирающий, и сказала, что дочери пора уходить. Голд попросила Хоуп пообещать, что она, сладость ее, никогда не заведет детей, потому что нет ничего страшнее, чем лишиться ребенка. Сонная Хоуп пообещала. Она переделась в еще мокрое платье. Голд отдала ей свои огромные ботинки. Хоуп бежала в них по лесу, и они болтались вокруг нее как запасная прочная кожа. Ей хотелось такую на все тело. Встреча с матерью дала ей много-много счастья, которое перерабатывалось тут же, на ходу, в силы. Еще даже не светало. Хоуп ощущала просто лес, даже сахарный лес богатого предпринимателя-соседа, даже руку как родных. Она никого не встретила. Слышала вдалеке голоса, но они ее не касались. Чтобы ил не забрал мамины ботинки, Хоуп их сняла и переплывала, поднимая у себя над головой. Вот тут светало. На берегу она отжала подол и рукава, влезла в ботинки и сделала шаг наверх. На нее с берегового уклона смотрела Хозяйка.

Сын хозяев думал о том, что завтра снова позовет Хоуп играть, возможно, в свадьбу, когда не будет родителей. Наверное, с поцелуем. Ведь не может она ему отказать, она же работающая. И фату он возьмет, как сестра брала старую скатерть. Сыну хозяев вдруг ужасно хотелось поговорить с Хоуп, узнать, поиграет ли она с ним. Он тихо вышел из комнаты, спустился на первый этаж, пробрался на кухню. Кристина спала где прежде, на месте Хоуп спала кошка. Сын хозяев обошел комнаты, даже заглянул в сестрину, хотя боялся, снова спустился на кухню. Хоуп не появилась, на ее месте спала кошка. На кухню пришел Муж хозяйки, спросил сына, что тот бродит, а тот только громко прошептал, что Хоуп украли. Муж хозяйки проверил двор, свинарник. Проснулась и пришла Хозяйка. Они вдвоем посмотрели в каждой хижине работающих. Работающие обыскивали сахарный лес, Хозяева отправились проверять берег реки. Хозяйка специально пошла туда, в специальное для себя место, ведь именно там бешеная собака укусила – значит, убила – ее дочь. Джон, когда хозяева ушли к реке, проверил погреб. Там Хоуп не было. Муж хозяйки сказал ей, чтобы шла спать, что он поедет к ищущим. Хозяйка ответила, что найдет работающую сама. Это их голоса она слышала в лесу, на той стороне реки. Хозяйка встала на берегу, и Хоуп сама приплыла к ней. Хозяйка заметила на шее Хоуп деревянный крест. Хозяйка притащила Хоуп за локоть во двор и велела мужу высечь ее. Хоуп было странно оттого, что никакого страха не чувствовалось. Хотя она всегда боялась раньше. Тот предложил просто не давать работающей есть два дня. Или три. Хозяйка дала ему плеть. Привязала Хоуп к крылечному столбу. Содрала со спины платье. Муж хозяйки ударил Хоуп два раза. Работающие смотрели, молчали. Хозяйка выхватила у мужа плеть, принялась бить Хоуп. Ударяла и рассказывала, какая Хоуп мерзкая, неблагодарная, говорила слова, определяющие кожу Хоуп, и что с каждым, кто нарушит правила, так будет. Та удивилась, что тоже не страшно, но очень больно. Хоуп кричала. Многие работающие плакали. Кристина готовила завтрак и молилась. Сын хозяев глядел изнутри белого дома сквозь проем двери на кричащую привязанную Хоуп. Муж хозяйки отговаривал ее, взял за локоть, она отмахнулась от него, он оттащил ее. Хозяйка оттолкнула мужа и ушла в свой белый дом. Сын хозяев убежал к себе в комнату. Хоуп висела на столбе. Ее сняли работающие. Отнесли в хижину Маргарет, которая чуть лечила местных работающих. Она посмотрела на спину Хоуп, из нее через ошметки кожи глядело на мир удивленное детское мясо. Маргарет уговаривала иногда людей не умирать быстро, но сейчас она не видела в этом смысла. Просто накрыла спину Хоуп чистой белой рубашкой, которая сделалась ярко-красной, попросила всех уйти и ушла сама. Погода менялась. Холодный ветер качал верхушки сахарных лесов. Хоуп теряла кровь. По календарным месяцам сейчас здесь была зима, и, хотя зимы здесь никогда не было, теперь она наступала. Одним днем. Хоуп лежала лицом к земле. В полусознании она понимала свое состояние. Улететь домой, к бабушке и дедушке, она не могла. Если начинать махать руками, спине станет еще больнее. Но зато ровно там, на обратной стороне Земли, ее страна. Лежа лицом на земле, ей проще попасть домой. У тела Хоуп поднялась температура. Вокруг температура падала. Стебли и листья сахарных деревьев начали покрываться инеем. Хоуп долго копала вниз землю, раскидывая куски почвы, запряганные батат и кукурузу. Из рта шел пар, будто Хоуп курила. Она ужасно мерзла, но так и должно было быть, ведь она под землей.

Муж хозяйки никогда не слышал, чтобы Кристина говорила. Но тут она подошла к нему и произнесла фразу. Он удивился ее молодому голосу. Кристина заметила, что кладбища для работающих у них нет (тело умершего работающего они хоронили на кладбище большой соседней плантации, Хозяева за это платили). Хоуп умрет – и где ее тут хоронить, она не местная, надо ее отвезти на прежнее место. Пусть ее хоронят ее люди на их кладбище. Хозяин согласился. Он вышел из дома и велел Джону увезти Хоуп на телеге на плантацию, откуда она родом. Вокруг было необычайно морозно. Муж хозяйки у себя увидел пар изо рта. Вода в бочке прикрывалась льдом. Работающие работали, но ежились в непонимании. К Мужу хозяйки подошел Самуэль и сказал, что сахарный лес замерзает. Работающие поделились. Маленький

сахарный лес поделили тоже на- двое. Очень сильные срезали тростник у первой зрелой части, Сильные средне и Слабые заматывали стебли второй части мешковиной. Несколько Сильных средне разжигали костры. По одному в начале и финале каждой грядки. Муж хозяйки разжигал костры тоже. Хозяйка проснулась в комнате, услышала крики, подошла к окну и увидела костры и бегающих людей. Это походило на древний языческий праздник. Разными способами работающие и их хозяева пытались спасти урожай на всех плантациях вокруг. Голд и другие работающие накрывали каждое дерево гардинами, простынями, пледами, скатертями, выданными из белого дома. Хозяин принял решение не вырубать лес, а согреть его. Голд посмотрела в сторону леса и реки.

Хоуп рыла из последних сил. Наконец она увидела солнечные лучи, лезущие сквозь землю. Она принялась копать быстрее и сильнее. Свет теперь образовывал солнечную чашу, Хоуп копала, потом – ведро, Хоуп копала, потом – колодец. Хоуп провалилась в него и стукнулась о деревянный пол. Она огляделась: не было никакого солнца, только свечи. В углу на лавке сидела белая женщина со светло-желтыми волосами, собранными в переплетенку, и в длинном платье. Шея женщины была стиснута широким железным обручем, из которого торчали длинные и острые шипы. Женщина повернулась. Кровь перестала идти из ран Хоуп.

Джон аккуратно перенес Хоуп на телегу с соломой. Он приставил ухо к ее плечу, она слабо дышала. Накрыв двумя одеялами. Он решил исполнить приказ Мужа хозяйки, но сделать это для Хоуп. Лошади не нравилось ехать, слишком непривычно холодно. Они медленно двигались по дороге с замерзшими лужами. У Джона самого не смыкались зубы от мороза. С неба начал падать хлопок. Так его называл Джон. Он вырос на хлопковой плантации. Лошадь встала от ужаса. Джон спрыгнул, взял лошадь за сбрую и повел ее, оглядываясь. Увидел, что с Хоуп сползло одно из одеял. Остановил лошадь. Подошел к Хоуп. Она была ледяная и не дышала.

* * *

А есть – там. Там морозам не удивляются ни лошади, ни люди. Там север, но не совсем Север. Юго-Север. Бывает и южно, и северно. И лето, и зима. Но зима дольше. Все богатство тоже растет из почвы. От полей ждут хлеба. Поля принадлежат хозяевам. Работают на полях работающие. Они тоже принадлежат хозяевам. Они привязанные к земле и к хозяину через землю. Хлеб – главный в желудках работающих. Тела работающих – мясо, которое выросло из хлеба.

Изо всей своей земли хозяева выделяют маленький и самый плохой, может – заболоченный, может – сухой, может – забитый камнями кусок почвы, на котором работающие могут выращивать хлеб для себя. Хлеб с остальной земли идет хозяевам. Они капиталисты: продают его – и покупают мясо, вино и сладкое. Приглашают гостей или уезжают в Европу. Еще бывает такой порядок, что работающие должны отдавать хозяевам своих зверей, продукты из зверей, натканное, настолярное, иногда – своих людей.

Все хозяева принадлежат одному Главному хозяину. Тот управляет всеми через государство – надзирающих. Они надзирают и забирают часть от прибыли хозяев Главному хозяину и себе. Работающие могут жаловаться на хозяина Главному хозяину через надзирающих. Но надзирающие не слышат и не видят жалоб работающих. К полям привязаны деревянные дома работающих, складывающиеся с церковью в деревню. К ней привязан каменный дом хозяина, в котором он живет. Или он живет в городе или за границей, может иногда приезжать. Хозяйский надзирающий надзирает за работающими и собирает с них что нужно или больше для хозяев.

Работающие засевают хлебное поле весной, обрабатывают его летом, собирают урожай осенью. Зимой работающие работают в своих деревянных домах, отапливают их, занимаются строительством, рукоделием, варением чего-нибудь и зверями. Работающие, надзирающие, хозяева, Главный хозяин – одинакового цвета.

Среди работающих в поле – Петр и Прасковья. С ними старшие – Соломонида, Иван и Яков. Домна дома с бабушкой. Хотя Домна никогда не дома, всегда бегает по двору. Играет с курами, гусями, кошкой. Детьми из соседних домов. И с братом Яковым, когда он тут, – он ближе к ней по возрасту. Ее любят и балуют, разрешают не трудиться. Петр – отец Домны – не пьет, поэтому семья счастлива. И вся связанная друг с другом. Домна за Ивана (потому что любила с ним играть больше всех), Иван за Якова, Яков за Соломониду, Соломонида за Прасковью, Прасковья за Петра, Петр за мать – бабушку Домны (дедушка умер еще до Домны). У семьи, кроме дома, – домашние звери: корова, утки, гуси и кошка. Огород.

Шел один из тех дней летом, когда семья работала особенно радостно, потому что работала на своем куске. Вместе все они получались очень сильные, земля собиралась выдать им много ржи и гречихи. После возвращения с поля семья уселась за стол. Бабушка Домны приготовила еду, Прасковья и Соломонида помогли накрыть. Дом сильный, сделан из стволов деревьев. Его собирал Петр. Ткали, пряли, шили все тряпчное в доме и на людей в доме бабушка, Прасковья, Соломонида и даже Домна чуть-чуть. Семья помолилась и принялась есть. В дом вошел работающий надзирающий, главный, который выбирался самими работающими и докладывал им волю хозяина. Работающий надзирающий помолился перед иконами и объявил, что Домну проиграл в карты живущий в далеком городе Хозяин. Он жил далеко, но поименно и наперечет знал всех принадлежащих ему работающих. Домна Хозяина никогда не видела, ее родители видели его в последний раз ребенком. Семья заплакала и завывала. «Радость моя», – повторяла Прасковья и тянула руки к младшей дочери. Домна откусила кусок от хлеба. Ее отвязали от родной семьи.

2. Работающая душа

– А хлеб ты любишь?

– Меньше, чем сахар, Братец Череп. В среднем детстве в средней полосе любила. У нас стали появляться капитализм и капиталисты, вместе с ними новый хлеб. До того были черный кирпич и белый батон. А тут в городе открылась пекарня. Прямо рядом с заводом, где производили пули. Пекли длинный и белый – как французский, но плотнее, чуть смятый, закругленный с концов, как пуля. Раскупали все. Запах слышался в моем дворе. Работающие производили пули и меняли их через деньги на хлеб. А в степи, где жили бабушка и бабушка по материнской моей линии, я ходила в палатку и покупала другой хлеб – серый южный кирпич, еще горячий. Я несла его по нагретому до сорока градусов городу. Его вкусно было есть с подсолнечным маслом и солью. Отрезки черного кирпича в средней полосе я тоже макала в масло, солила, натирала чесноком его кожу. Дальше хлеба появилось много разного. Французские длинные и острые, немецкие плотные и тяжелые, кукурузные, как желтые рыбы, питы – пакеты для начинки, чиабатты как пачка купюр. Наверное, я люблю хлеб и то, как он сочетается с едой. Как две булки обнимают мясо и начинку, образуют бургер. Как спагетти переплетаются вокруг фаршинок, креветок, оливок, грибных кусков. А со сладким как сочетается хлебное – лучше не вспоминать. Но сейчас я не ем хлеб. Только плоские хлебцы и цельнозерновую пасту аль денте. Раньше хлеб – всему голова и прочее. Но моя семья много десятков лет не растила его. И в социализме, и в капитализме она покупала хлеб в магазинах. А выращивала она картошку, капусту, лук, свеклу, морковь, горох, репу, бобы. И сейчас продолжает. В девяностые, когда появился новый капиталистический хлеб, мы покупали только его и чуть мяса, а остальную еду растили на трех отрывках земли: на даче, на поле у леса и на поле у десятиэтажки. Теперь поле у дома – асфальтовое. На месте нашего отрезка – автостоянка. К ней привязан гипермаркет, где мои родители покупают прекрасный хлеб и еду. Я люблю еду, Братец Череп. И истории. Что с Домной дальше? Я должна знать про это многое, но не знаю совсем, будто этого не было на самом деле, а только случилось в книгах, недочитанных в школе.

Череп подвигал ноздрями: они у него чесались от частиц сухой земли.

* * *

Домне завернули в тряпку хлеб, одежду и тряпично-соломенную куклу. Провожали и плакали. Все: Петр, Яков, Прасковья, Иван, Соломонида. Бабушка не провожала, лежала. Яков расчесывал себе шелушащиеся от солнца ладони и повторял, что освободится, разбогатеет и Домну выкупит.

Надзирающий от работающих повез Домну. Она плакала по дороге – все четыре дня, что они добирались. Надзирающий ругался и сам иногда подплакивал. Семья Петра – одна из лучших среди работающих. А теперь без дочери. Продали – как убили. Он думал, это частая беда. Старшую дочь Надзирающего от работающих Хозяин продал давно. Надзирающий думал, что хорошо, что дочь, а не сына. Дочь все равно вырастает, становится женой, уходит из семьи в чужую. Вышла замуж – как убили. Домну жалели по дороге встречающиеся, узнавали у нее или Надзирающего причину. Злились, возмущались, плакали тоже. Молодая жена или дочь какого-нибудь хозяина дала Домне пирожное, молодой округлый Надзирающий от государства поплакал тоже, женщина, путешествующая из-за Бога, перекрестила Домну. Ехали мимо поля, где работали в земле двенадцать работающих. Староста перекрестился. Шею каждого стискивал широкий железный обруч с замком и длинными острыми шипами. Домна видела раньше работающих в поле, но без обручей. От ужаса она перестала плакать. Дорога сохла, от колес

и копыт поднималась пыль. Лицо Домны было постоянно мокро-соленым от слез и соплей. Ветер обдувал его пылью, кожа на лице покрывалась узорами грязи. Перед городом Надзирающий от работающих остановил телегу, поглядел на Домну и велел ей умыться в реке. Это была первая река в Домниной жизни. До этого она встречала только пруды. Домна не любила мыться, бабушка никогда не могла ее заставить. Чтобы не ходить раз в неделю в баню, Домна забиралась на дерево. А однажды залезла на крышу дома. По рассказам Домна знала, что, в отличие от прудов и луж, река идет куда-то. Такая же неизвестность, как жизнь без матери, отца, брата, сестры, бабушки. Домна решила не плыть. Отмыв лицо, она вернулась в телегу.

Город начался деревянными домами, которые были больше, чем те, что попадались прежде, но эти располагались ближе друг к другу, часто прижимались вплотную. Дальше лошадь зацокала иначе, тверже и звонче: дорога не земляная, а покрытая ровным слоем пней от средней толщины деревьев. Дома покаменели, обступили их телегу. Некоторые росли вверх пятью, шестью рядами окон. Домну возили уже в город, другой, самый близкий к деревне. Но таких высоких домов она там не встречала. Здесь всего было много и в увеличенном количестве и размере. Лошадей, открытых-закрытых повозок, домов, окон, камня, людей. Звуков и запахов. Только кустов, деревьев, полей оказалось меньше, они были желтее и суше. Надзирающий от работающих все спрашивал у Домны, нравится ли ей город. Она кивала маленькой головой, обернутой в кусок ситца, который был узлом завязан на остром подбородке. Надзирающий завидовал, что Домне тут теперь жить. Ей было только сильно страшно.

Они остановились у дома с худыми колоннами и небольшими каменными львами с плоскими мордами и открытыми пастями. Домне захотелось засунуть свою ладонь в одну из них, но нужно было кланяться новому Хозяину и Дочери хозяина. Надзирающий сказал Домне пойти и поцеловать новой Хозяйке руку. Домна пошла и поцеловала. Одна из домашних работающих отвела Домну умыться и переодеться в одежду домашней работающей. Потолки тянулись высокие, как в церкви. Звенели стеклянные стены, которые оказались огромными окнами. Платье было велико для Домны, как и весь дом, как и весь город. Домну пугало платье, пугали дом и город. Надзирающий из родной деревни ел суп на кухне. Когда Домна оделась и ее повели к Дочери хозяина, она заметила в окно телегу, лошадь и Надзирающего, которые уезжали в деревню без нее. Тут Домна почувствовала, как это – насовсем.

Дочь хозяина велела Домне сесть у ее ног на низкую табуретку с мягкой обивкой. Увидела воду, скопившуюся в углах глаз работающей. Спросила в ласковой манере, как Домну зовут. Домна ответила. Так началась ее жизнь в доме. Дочь хозяина – девушка лет четырнадцати – проводила день дома, читая романы. Она видела в том возрасте дочерей хозяев, когда выезжать в гости для игр с другими детьми было поздно, а выезжать в места, где скапливались другие дети хозяев, и показывать себя в качестве невесты было рано. Хозяин важно и много работал на сильно особенной работе, отличающейся от деятельности работающих, и редко появлялся дома. Домна всегда, в том числе ночью, находилась с Дочерью хозяина в комнате и выполняла мелкие ее приказы: подать книгу, перья для обмахивания, туфли, позвать слуг, поправить покосившуюся картину, реже – сбегать за пределы дома за чем-то и за чем-то. Она знала город только по лавкам, куда ее посылала Дочь хозяина. В остальном улицы с людьми, лошадьми, закрытыми или полузакрытыми коробками на колесах, каменными строениями Домну пугали, раздражали и не были ей нужны.

Дом хозяина жил как отдельная страна, которая существовала для поддержания жизни самого Хозяина и его дочери. Все, что тут делалось, производилось двумя десятками работающих: одна работающая надзирала за всеми работающими и за тратой денег на хозяйственные дела, специальная работающая помогала Дочери хозяина мыться, убираться и следила за ее одеждой, самого Хозяина одевали и мыли два специальных работающих, одна работающая надзирала за всеми ножами, вилками, ложками и постельным бельем, несколько специальных работающих женщин убирались, одна работающая готовила еду, ей помогали еще две работа-

ющие, они же ходили в лавки за продуктами, специальные работающие подавали еду, на особенные приемы пищи с гостями звали повара, который приехал из другой страны, и все работающие тогда подчинялись ему, почти как Хозяину, один работающий рубил дрова и топил печь, одна работающая существовала для стирки одежды и белья Хозяев. Из-за того что Домна редко выходила из комнаты Дочери хозяина, она редко замечала всю эту работу работающих, и все в доме будто происходило само собой: еда готовилась, одежда и белье стирались, комнаты отапливались. Домна видела, как приносили еду (она никогда не принимала пищу вместе с другими работающими, а тут же, в комнате, доедала остатки за Дочерью хозяина), как работающие женщины одевали и мыли Дочь хозяина, как меняли ей постель и взбивали подушки, как выносили ночные горшки. Но дальше она стала смотреть на весь этот домашний быт словно хозяйскими глазами, значит – не видеть работающих: еда сама появлялась в комнате, платье взлетало и надевалось на Дочь хозяина, фарфоровая емкость с ночными испражнениями выплывала из комнаты и возвращалась пустая и помытая.

Домна понимала, что ее работа легче, чем труд ее семьи и остальных работающих. Ее тело не уставало сильно, не мерзло, не мучилось от жары, не голодало. Иногда болели колени от долгого сидения на низком табурете и пощипывало глаза от напряженного и постоянного смотрения на Дочь хозяина. Та не была жестокой или злой, но Домна боялась ужасно пропустить какое-либо желание неработающей. Со временем Домна узнала Дочь хозяина лучше, поняла, за каким ее жестом и взглядом какое последует распоряжение. Еще работающая заметила, что стала забывать, что она сама любила делать, что употреблять в пищу и о чем думать. Все это теперь заменялось предпочтениями Дочери хозяина. Ее расписанием, остатками еды, которую она любила, ее мыслями и заботами. Одним вечером Домна, засыпая на сундуке в комнате неработающей, поняла, что за весь день она не подумала ни разу о себе, ничего ни разу сама не захотела и не вспомнила ни разу мать, брата, бабушку, сестру, отца, другого брата. Даже аппетит у нее просыпался тогда, когда работающие приносили Дочери хозяина поднос с блюдами. Даже сходить в отхожее место она теперь хотела тогда же, когда желала неработающая. Тело и мысли Домны принадлежали Дочери хозяина, та не задумывалась об этом и воспринимала это все как нормальный ход вещей по привычке, приобретенной ее предками. Домна по матери и остальной семье не плакала ни разу с тех пор, как вошла в дом. Зато плакала без остановки тогда, когда Дочь хозяина дверью прищемила палец на руке и он распух красным. Целовала его, дула на него, растирая слезы. Домна осознала, что это плохо. Так без семьи можно остаться. Так и без самой себя можно остаться. В итоге она решила, что уже осталась. И чего тут думать.

Однажды летом Домна оказалась одна в комнате Дочери хозяина. Та ушла гулять с женщиной, которая учила ее французскому и ходила с ней гулять. Женщина была француженкой, полурботающей, но все же не хозяйкой. Домна вспомнила, что ей можно поиграть. Достала из-за сундука свой тряпочный тюк, в который были завернуты две рубашки, две юбки, косынка и тряпично-соломенная кукла Нина, имя неработающее вовсе, но Домна услышала однажды, как им позвали красивую неработающую, и она отдала его кукле. В одежде застряли сухие крошки материнского хлеба. Домна села на колени перед сундуком, поставила Нину ботинками из соломы на его крышку и начала, но игра не получалась. Нина не двигалась, у нее не появлялся голос, не собиралась история, которая с куклой должна была приключиться. Тут Домна вспомнила, что скоро неработающая вернется, а она разложила свои тряпки, накидала крошек и не открыла окна. Дочь хозяина будет задыхаться в непроветренном помещении и наступать босыми ногами на твердые крошки: неработающая часто ходила босая по ковру, когда было тепло. Домна собрала тюк обратно, замотала в него Нину, собрала крошки, открыла окна. Прошла вся игра, все ее детское время. Домна думала выбросить тюк или сжечь, но решила оставить на память и вернула его за сундук, затолкала совсем к полу.

Осенью Домна отправилась утром по запросу Дочери хозяина за двумя небольшими белыми хлебами, которые выпекались в лавке из муки, привезенной из Франции. Именно такие

хлеба нужны были для завтрака Дочери хозяина с Учительницей французского. Та Домну не любила, боялась, что она передаст Дочери хозяина болезни работающих, привычки работающих, слова работающих. Дочь хозяина, как появилась Домна, стала меньше видаться с Учительницей французского. И та скучала и маялась, хоть у нее были отдельная комната и хорошая зарплата. Домна вернулась с хлебом и на кухне увидела свою мать. Они обнялись. Прасковья и вся семья не могли найти себе места у себя же дома, плакали, плохо спали и ели. Бабушка почти не вставала. Прасковья отпросилась у Надзирающего от работающих, он ее отпустил. Дальше она добиралась почти всю дорогу пешком. Домна плакала, Прасковья плакала. Все домашние работающие вспомнили свои деревенские корешки и родителей и тоже хотели плакать. Мир дома чуть переменялся, Дочь хозяина уловила это изменение, вышла, увидела Домну с ее матерью. Сильно умилилась при всех, что Домна на Прасковью очень похожа. Такие же сероголубые глаза и желтые волосы. А сама вдруг почувствовала зависть: у Домны оказалась живая и очень любящая мать, а Дочь хозяина своей матери никогда не видела. Неработающая тут же пристыдила себя внутри за зависть к работающей. Мать Домны попыталась остаться в доме. Она бралась за самую грязную уборку, самую тяжелую стирку, даже рубила дрова и топила сама печь, когда специальный работающий ушел пить. Прасковья с Домной виделась редко, обе работали постоянно, в одном доме, но в разных комнатах. Мать спала на полу на кухне, дочь – в комнате Дочери хозяина. У Прасковьи была придумка, с которой согласились Петр, Яков, Иван, Соломонида и бабушка. С Домной она ей поделилась. Прасковья хотела работать так сильно и усердно в доме Домниного Хозяина, чтобы он согласился выкупить всю их семью в город. Чтобы они были вместе с Домной, как прежде. Та при матери обрадовалась, но потом внутри себя испугалась и расстроилась. Работа в поле была тяжелее, чем домашняя, но там у работающих был будто свой отрезок жизни: кусок земли, дом, двор, звери. И соседи – остальные работающие из деревни. Собственная душа принадлежала им. А в городе ничего этого не оставалось и даже души полностью переходили хозяевам. Но мать была такая счастливая и загоревшаяся этой придумкой, что Домна не спорила с ней. Надзирающая за хозяйством заметила, как хорошо трудилась Прасковья. На второй месяц своего пребывания тут та попросила выкупить их с семьей сюда. Надзирающей за хозяйством придумка понравилась: работающий с повозкой и лошадей пил, работающий с дровами и печью тоже, стирающие стирали не так хорошо, как Прасковья, и готовила она быстрее и вкуснее кухарки. Надзирающая поговорила с Хозяином, тому было все равно, у него происходило много другого важного, государственного уровня, он полностью ей доверял и сразу почувствовал, что она настаивает. Надзирающая написала письмо Хозяину семьи Домны. Письмо дошло быстро: Хозяин Домниной семьи жил в том же городе. Ответ пришел через два дня: Хозяин Домниной семьи заломил за всю семью небывалую цену, за которую можно было купить деревню. Он еще сердился в этих своих буквах, что Прасковья покинула деревню в самый сбор урожая, и угрожал приказать выпороть ее и всех в семье, если она не окажется там, где должна, в течение недели. Надзирающая за хозяйством даже не стала беспокоить этим Хозяина, рассказала честно Прасковье. Та собралась, попрощалась с дочерью, поцеловала ее руки, полухозяйские, довольно нежные, и уехала. Ей стало спокойнее: новые Домнины Хозяева не были плохими людьми. Домна ночью плакала, не могла остановиться, хотя знала, что будит Дочь хозяина. Та спустилась с кровати к сундуку, обняла Домну и пообещала ей освободить работающих, когда станет старше и будет кем-то владеть сама.

На самом деле Домна радовалась тому, что мать уехала и придумка не получилась. У Петра, Якова, Прасковьи, Ивана, Соломониды и бабушки останутся дом, огород, отрезок земли, звери, соседи и души. Домна, нежнорукая, в недеревенском платье, уже с исправляющимся в хозяйский выговором, стыдилась матери: ее запаха пота, ее одежды, ее разговора. Работающая понимала, что нельзя забывать, откуда ты приходишь, это шанс оставить себе немного души. Домна достала свой тюк, развязала, достала Нину и решила запрятать остав-

шийся отрезок своей души в кукле и доставать и смотреть на нее тогда, когда душа понадобится. Это и будет ее игра.

Дальше Домна полностью стала принадлежать Дочери хозяина, но и неработающая тоже чуть-чуть принадлежала работающей. Домна сделалась первой личной ответственностью Дочери хозяина. Работающую обсчитали в лавке и продали не то, Дочь хозяина поругала ее, потом поняла, что та не умеет читать и считать. После этого неработающая научила работающую читать и считать. Учительница французского ругалась, что Дочь хозяина тратит время. Домна наслушалась их французского и стала понимать его. Когда неработающая случайно на этом языке попросила дать книгу определенного цвета, Домна принесла нужный предмет. Дочь хозяина восторгалась. Будто заговорила собака или лошадь. Неработающая научила работающую читать по-французски. Учительница французского поняла, что больше не нужна Дочери хозяина. Они раньше вдвоем по-французски обсуждали романы о любви, написанные на французском. Не считая уроков, это была главная тема их общей деятельности. Теперь эти книги смогла читать и обсуждать Домна. Теперь работающая плакала вместе с неработающей над любовными историями из книг. Домна догнала по возрасту Дочь хозяина. Они плакали на одном языке. Их слезы перемешивались и размывали печатную краску на одних и тех же абзацах.

Любовь Дочь хозяина любила больше всего. Она думала о любви, хотела ее, мечтала о ней. В книгах, которые они с Домной читали, любовь часто приводила к трагедии, но неработающая этого не замечала. Она сильно приготовилась и настроилась любить. Домна, читая все эти книги, любила их, потому что их любила Дочь хозяина. Сама работающая не воспринимала эту книжную романтическую любовь как что-то относящееся к ее жизни. Она давно любила только свою неработающую чем-то, чторосло вместо души, – потому что долг, назначенный порядком в обществе, и потому что Дочь хозяина была милая, очень трепетная, довольно добрая и часто щедрая – то есть удобная для любви. Неработающая тоже любила Домну, их отношения со временем стали сложнее, очеловечились. Если раньше Дочь хозяина обращалась с работающей как с очень умной собакой – гладила ее, хвалила, оставляла ей свою еду, – то теперь неработающая воспринимала ее если не как сестру, то как компаньонку, ту самую, которой так и не стала Учительница французского, которая хотела уехать домой от Дочери хозяина, Домны, холода, но в итоге переселилась из дома со львами в дом с грифонами через два квартала и учила языку другую хозяйскую дочь. Работающая и неработающая остались жить вместе, в одной комнате – что-то вроде души в душу. Домна заботилась о Дочери хозяина постоянно, та заботилась о Домне реже, но все-таки участвовала в ее жизни: когда у Домны впервые пошла кровь, неработающая рассказала ей, как действовать, и поделилась своими средствами; когда Домна заболела, неработающая вызвала ей хозяйского доктора; на третий год жизни в доме со львами неработающая разрешила работающей есть из отдельной тарелки.

Для Дочери хозяина Домна окончательно освободила себя от себя и своей семьи. Мать, братьев, отца, бабушку, сестру она вспоминала только раз в несколько месяцев, когда доставала Нину-душу, чуть теребила ее в руках, смотрела – в животе и груди что-то вертелось, кололось, доставляло боль. Домне встречи со своей душой не очень нравились, поэтому она перестала ее вытаскивать из-под сундука.

Когда Дочь хозяина совсем выросла (и Домна тоже, но в ее случае это было неважно), она стала выходить во все эти места, где собирались все хозяева разных возрастов, а она предлагала себя в качестве невесты. Ее не сопровождал отец, а по очереди возили дальние родственницы женского пола. Передвигалась она от дома к месту предложения себя зрелищно: на четырех лошадях, в красивой резной коробке, с одетым в бархат погоняющим работающим, с одетым в парик работающим, стоящим сзади коробки. Хозяин редко появлялся в доме – Дочь хозяина не знала, а Домна слышала, но щитом огораживала неработающую от слухов-правды, что у ее отца другая семья, дети мужского пола. Домна злилась на Хозяина, чувствовала за Дочь хозяина

и понимала за нее, что тот дочь никогда не любил, поэтому та только о любви и мечтала. В местах смотров невест Дочь хозяина танцевала, ее приглашали. Она возвращалась домой и рассказывала Домне о том, как сегодня прошло ее предложение себя. Книжки в доме перестали читаться. Начался режим активного ожидания любви, перебирания кандидатов, обсуждения их и того, как сегодня на неработающую посмотрел какой-нибудь неработающий человек. Но никто не засылал посредников для заключения брака. Дочь хозяина плакала, обзывала себя некрасивой, Домна успокаивала ее, целовала ей руки, колени и плечи, обещала, что достойный любящий скоро появится.

Она сильно хотела для неработающей хорошего мужа, надеялась дальше продолжить заботиться о ней и растить ее детей. Он возник. Из хозяев, но не богатый, с одной только маленькой деревней в запасе и пригоршней работающих. Но высокий, с волосами над губой, в военной одежде. Он увидел Дочь хозяина во время одного из танцев и никогда не приглашал. Но начал на нее военную кампанию, или охоту. Поджидал ее на улице и долго скреб взглядом, писал любовные письма, как из любовных романов. Объяснил, что не звал танцевать, так как боялся, что недостойн ее. Сравнивал ее с разными цветами, на которые она не была похожа. Дочь хозяина плакала, Домна плакала вслед за ней. Неработающая верила, что это и есть Посланник судьбы. Он занимался маскарадом: два раза останавливал на маленькой улице их лошадей с коробкой, когда они ехали из церкви, переодетый в разбойника. Один раз приехал на лошади к ним под окно, переодетый в железные доспехи. Дочь хозяина высунулась из окна и кинула ему цветок. Она была абсолютно счастлива: Посланник судьбы совершенно оправдывал ожидания. Домна ощущала, что этот человек получился словно заказанный, значит – неискренний, потом, что-то в нем было не то. Она достала тук из-под сундука, посмотрела на Нину. Получив ненадолго свою душу обратно, Домна поняла, что Посланник судьбы не совсем настоящий, слишком книжный и не такого мужа она хочет своей неработающей, потому что он совсем не нравится ей самой. Домне стало стыдно, что она измеряет Посланника судьбы Дочери хозяина своим вкусом, которого у нее и не должно быть. Работающая запрятала тук обратно.

О стараниях человека в военной форме узнали двоюродные тети Дочери хозяина, встревожились и рассказали об этом Хозяину. Он приехал в дом со львами впервые за долгое время и как человек, имеющий свое мнение, рассказал дочери, что Посланник судьбы хочет только ее, а точнее – его, Хозяина, состояние. Неработающей было запрещено выходить из комнаты, выезжать из дома, даже в церковь. Хозяин даже вернулся жить в дом со львами, чтобы следить за дочерью. Как и принято в любовных романах, неработающая принялась сильно страдать, постоянно лежать, часто плакать, не хотеть есть. Домна страдала из-за страданий Дочери хозяйина. Хотя понимала, что тот, скорее всего, прав и – несмотря на всю прелесть неработающей, на белую ее небесность, снежность, на светлые локоны – Посланник судьбы ее не любил, а хотел только денег. Но Дочь хозяина страдала, худела до костей, кожа ее становилась прозрачной, и сквозь нее просвечивали синие вены. Тогда Домна решила. Ей можно было по-прежнему выходить в лавки. Она принялась носить любовную почту. От Дочери хозяйина к Посланнику судьбы и обратно. Передавая каждое новое письмо, работающая все-таки сомневалась, но, видя, как счастлива Дочь хозяйина, как она снова ест и даже читает, Домна решила, что все делает правильно.

Хозяин решил, что дочь, как от нее и ожидалось, забыла Посланника судьбы, и снова стал редко бывать в доме со львами, уезжая постоянно к настоящей своей, то есть любимой, семье. Неработающей снова разрешили выезжать. Она, Домна и Посланник судьбы все организовали. Домна пошла подвенечное платье, она не была специально работающей для пошива, но работала над платьем с сильной любовью – оно вышло простым, но важным. Они выехали на службу, по дороге Дочь хозяйина переделалась. В церкви она и Посланник судьбы обвенчались. Неработающая была очень счастлива, ну и Домна за нее.

Дочь хозяина приехала в дом со львами с Посланником судьбы в качестве мужа. Работающие не понимали, что происходит, кто-то начинал догадываться. Надзирающая за деньгами написала Хозяину, она знала, где он живет с новой семьей. Наступило время обеда, но никто не понимал, стоит ли подавать Дочери хозяина, Посланнику судьбы и Домне еду. Хозяин приехал, неработающая хотела дальше сцену примирения с родителем, какие попадались в редких романах. Новая жена принялась представлять своего мужа, но Хозяин остановил ее и повелел, чтобы к вечеру дочери и Посланника судьбы не было в его доме.

Домна собрала свои вещи и неработающей. Вспомнила про тюк, забрала его тоже. Перед тем как садиться в простую совсем коробку без каких-либо узоров, Домна подошла к одному из львов и положила ему в пасть пальцы.

* * *

– Знаешь, Братец Череп, я давно живу в Старом городе самого большого города среди невысоких домов и часто там встречаю каменных львов, сов, грифонов, женщин и мужчин, людей из Античности и даже писателей. Львы чаще всего сидят по бокам у входа, остальные – сидят, висят на фасадах и в их нишах. У меня есть любимые совы на грузинском посольстве, я глажу их, когда прохожу мимо. Они сидят по двое: мать и ребенок, мать и ребенок. Две семьи. Одна семья сохранилась, а у другой тело ребенка совы наполовину залито цементом и слито со стеной. Прохожие складывают семьям окурки, стаканы из-под кофе, железные банки. Я не убираю, брезгую. Но мусор исчезает из-за невидимой работы наших современных работающих. Вне Старого города каменных украшений на домах нет. Потомки крестьян и немногих дворян теперь живут одинаково – в похожих друг на друга многоэтажках, часто серых, как небо. Но люди хотят украшать даже общие дома и пространства между ними. Во всех городах жильцы давно делают животных из шин, покрышек; или привязывают к деревьям, или просто сажают на газон мягкие игрушки – тоже в виде зверей, настоящих или выдуманных. Среди них есть львы, но они не грозные охранники, а добрые друзья. Мне кажется, что живущие в пятиэтажках гораздо чаще украшают так территорию у своих домов, чем многоэтажники. Но у многоэтажек, особенно башенновидных, с одним подъездом, в последнее время стали сажать фигуры львов по бокам у входа – традиционных, злых и торжественных, иногда позолоченных. Эти львы гораздо меньше, чем те, что охраняют старые дома. Наверное, только такие продаются в магазинах.

* * *

Только что поженившиеся провели первую свою ночь в гостинице на дороге. Домна спала на соломе в комнате с другими работающими женского пола. От них пахло, они грубо и открыто разговаривали. Утром Дочь хозяина была грустная, бледная и удивленная. Домне стало ужасно больно за неработающую, но она не задала никаких вопросов. Через пять дней они добрались до деревни, где жили двести семьдесят работающих. По дороге Посланник судьбы вел себя уже не так пламенно, как до свадьбы. Был довольный и усталый. Дочь хозяина всматривалась в него, всматривалась. В деревне он совсем перестал вести себя романно. Издавал во время еды рыгающие звуки, пил, ходил по дому в нижнем белье, с женой не разговаривал. Жена хозяина, в которую превратилась Дочь хозяина, пыталась разговаривать с Посланником судьбы, но он зевал при виде ее, не отвечал или говорил, что плакать при нем бесполезно, вода из глаз на него никак не повлияет, потому что он настоящий Хозяин и будет вести себя как хочет. Жена хозяина плакала, Домна утешала ее и плакала вместе с ней. Посланник судьбы оказался плохим мужем, а точнее – не мужем вовсе. Единственное, что мужского он выполнял часто, – ходил к жене в спальню. Она этого не любила, рассказывала Домне, что ей совсем

становится от этого плохо, но обрадовалась, когда забеременела, потому что ребенок внутри – это счастье и предлог отказывать мужу. Посланник судьбы тоже обрадовался: станет отцом и совсем закрепится хозяином жены, земли, деревни, работающих.

От осознания этого он принялся сильно тратить деньги, которые приходили от работающих на земле его жены. Купил четырех очень дорогих щенков. Жене хозяина доложил об этом Надзирающий за деревенским хозяйством, объяснив, что за каждого щенка можно было купить по три работающих мужского пола. Жена хозяина сильно разозлилась и превратилась в Хозяйку. Она с красными щеками пересказывала Домне доклад Надзирающего за хозяйством, Домна тоже злилась и повторяла за ней: за каждого щенка можно было купить по три работающих мужского пола. Хозяйка объяснила Посланнику судьбы, что он не Хозяин и она запрещает ему тратить хозяйственные деньги. Он кричал в ответ про свою мужественность, которая дает ему право тратить. Они долго ругались, Посланник судьбы проголодался и ушел есть холодное мясо, а потом поселился в отдельном каменном доме рядом с большим домом. Без ежедневного мужа Хозяйке стало гораздо легче. Она растила ребенка у себя в животе, думала о его будущем, поэтому заинтересовалась деньгами, хозяйством, вникала в разные домашние и даже деревенские дела, просила Надзирающего за хозяйством докладывать ей всегда, договорилась с ним, что он ей будет докладывать о тратах Посланника судьбы, когда они превысят определенную сумму. Стала заплетать себе сама, без помощи работающей, тоненькую бледную косу, занялась шитьем и вышиванием, которые раньше не любила. Домна занялась рукоделием и вышиванием тоже. Они вместе с Хозяйкой и Надзирающим за хозяйством даже ездили в деревню знакомиться с работающими. Хозяйка подарила детям сладкий хлеб, работающие ей много кланялись. Домна радовалась за Хозяйку, та, несмотря на неудачного Посланника судьбы, оказалась счастливее в деревне. Домна тоже здесь была счастливее, но только из-за того, что была счастлива Хозяйка, а не из-за того, что оказалась в обстановке, похожей на свое детство.

Посланник судьбы, Муж хозяйки, удивился, когда через день, три, пять, неделю жена не пришла плакать, мириться и уговаривать его вернуться. Он чуть почувствовал себя униженным, но потом осознал радость своего положения почти холостяка. Он растил счастливо своих щенков и мечтал устроить большую охоту. Скучал без женщины и как-то позвал к себе Домну, обманув ее, сказал, что у него важное для Хозяйки письмо. Посланник судьбы начал трогать работающую за грудь, она очень сильно ударила его по щеке ладонью, будто неработающая, выросшая в большом каменном доме в городе. Она отчасти ей и была. Посланник судьбы очень удивился. Пока он удивлялся, Домна ушла. Она очень расстроилась, но не из-за себя, а из-за обиды за Хозяйку, и не стала ей ничего говорить. Домна знала ее и чувствовала, что та еще любит Посланника судьбы, планирует в будущем с ним мириться, надеется, что он исправится, а пока просто бережет силы для ребенка.

Живот Хозяйки стал совсем большим, Хозяин-отец дочери не писал, не интересовался, в дом со львами, где она и Домна выросли, переехал его старший неофициальный сын с семьей. Уже нашли женщину с молоком для предстоящего ребенка Хозяйки, она посмотрела на Хозяинкин живот, предсказала ей мальчика. Неработающая и работающая много работали, готовились, шили и вышивали разные тряпичные вещи для этого мальчика. Хозяйка, чем ближе к родам, становилась все круглее и счастливее. Она решила помириться с Посланником судьбы. Домна знала, что к нему ходит женщина из работающих, но решила сама об этом не думать и Хозяйке не рассказывать. Посланник судьбы все никак не мог прийти на этот разговор, говорил, что занят со щенками. Когда наконец пришел днем – Хозяйка спала в кресле, обнимая живот с ребенком. Домна спала рядом на кресле ниже. Посланник судьбы подумал, что хорошо было бы поджечь дом, и даже подошел к печи и открыл ее пасть, но потом передумал, потому что почувствовал, что все равно случится так, как ему понравится. Он взял лошадей, коробку с резьбой, подушки, которые нашили жена и Домна для мальчика, поместил на них себя и

своих щенков и уехал в другую деревню к другу-хозяину, который тоже растил собак и давно его звал. Он потом передал через работающих жене, что он приходил, а его проигнорировали. Хозяйка долго и много плакала. И Домна вместе с ней.

Ранним утром, когда еще спали даже работающие, у Хозяйки полилась вода. Домна проснулась. Отправила одного из работающих за врачом в небольшой город неподалеку. Тот обычно помогал рожать неработающим, живущим в своих больших каменных домах в округе. Во время родов Хозяйка, как увидела Домна, снова превратилась в Дочь хозяина, ребенка без помощи. Она кричала, выла, плакала, выталкивала из себя Сына посланника судьбы. Домна говорила ей ласковые слова, гладила по голове. Доктор что-то сам себе говорил про слишком узкие бедра. Сын посланника судьбы засел в Дочери хозяина. Домна ощутила всю ту самую боль, которую ощущает Дочь хозяина, и заплакала, закричала, завывала вместе с ней. Доктор подумал, что работающая потеряла ум, подумал выпихнуть ее из родовой комнаты, но тут Сын посланника судьбы наконец стал выталкиваться. Домна продолжала кричать вместе с Дочерью хозяина и услышала, как трещат расходящиеся бедра то ли у нее самой, то ли у неработающей. Мальчик вышел, покряхтел и перестал дышать. Дочь хозяина тоже. Домна поняла сразу, что случилось, но не поняла, почему она сама еще вдыхает и выдыхает воздух.

Не все, но многие работающие в доме и деревне плакали. Хозяйку и ее мальчика жалели. После похорон Домна лежала в комнате Дочери хозяина на своей узкой кровати. Работающая не ощущала совсем ничего. Теперь души ее не было. Ей не от кого было перенимать чувства и мысли. То, что у нее находилось вместо души, без Хозяйкиной души не работало. Домна давно уже жила жизнью Хозяйки и собиралась добавить для проживания судьбы ее детей, а теперь все это отменилось. Работающие в доме Домну тоже жалели, принимали ее за полунеработающую из-за того, что она жила с Хозяйкой в одной комнате, донашивала ее платья, разговаривала с ней по-французски, а теперь вот наполовину умерла после смерти Хозяйки. Они приносили ей еду, такую же, как и Хозяйке. Домна не ела, только стала откусывать понемногу от горбушки хлеба и глотать его не прожевывая. Работающие принялись носить ей только хлеб, чтобы не тратить зря другие продукты.

Посланник судьбы на похороны не приехал. Он проводил время в городе, вернулся туда со своим приятелем – хозяином и любителем собак. Они оба оставили дорогих щенков и взрослых псов на специального работающего. Посланник судьбы думал приехать в деревню, чтобы навести там порядок, но через две недели после смерти жены и сына написал Надзирающему за хозяйством два распоряжения: 1) выслать ему денег, гораздо больше, чем ограничила Хозяйка, когда была жива; 2) выдать Домну замуж за работающего с железом. Посланник судьбы долго думал, что с ней сделать, обсуждал с приятелем, тот предлагал поехать в деревню и наказать Домну всем вместе, позвать еще соседей, но ехать не хотели: в городе шел сезон веселья. Хозяин, в которого превратился Посланник судьбы, вспомнил сердитого старого деревенского кузнеца, бывшего работающего в армии, с пожженным войной лицом, и вдвоем с приятелем они решили, что это лучшее наказание. Когда за Домной пришли и сказали, ей было все равно. Она достала из-за своей кровати старый тряпочный тюк, добавила в него тонкую бледную косу Дочери хозяина и пошла туда, куда ее повели.

* * *

А на их Юге север наступил морозом. Работающий Джон привез тело Хоуп на ту плантацию, откуда ее купили. Тут все работающие – и Очень сильные, и Сильные средне, и Слабые – спасали сахар. Хозяин-капиталист смотрел из окна второго этажа белого дома и считал убытки. Он брал в расчет и смерть примерного количества работающих от обморожения. Джон окликнул первую попавшуюся работающую, он знал, что женщины – чаще всего даже на больших плантациях – знали почти всех или многих. Она отправила своего сына за Голд.

Та забрала дочь из телеги, отнесла ее в свою хижину. С тех пор как Голд перевели в Сильные средне, она перестала быть королевой работы и за ней надзирали меньше. И из-за общего движения Голубоглазый надзирающий не сразу заметил, что Голд ушла. Когда он пришел за ней, она сидела на циновке, держа холодную Хоуп на своем теле и завернув ее в плед. Джон возвращался на телеге на плантацию, на которую его купили много лет назад. Он завернулся в два одеяла, в которых вез Хоуп. Он хотел оставить их вместе с ней, но Голд отказалась. Он плакал, его слезы полузамерзали на лице и походили на стеклянные осколки. После моста Джон не поехал прямо, а свернул направо, где вместе с правом был еще и настоящий Север. Голубоглазый надзирающий сказал Хоуп, что выкопает ее дочь из земли после похорон и выбросит в реку, если она не вернется спасать сахар. Голд накрыла тело Хоуп пледом и ушла работать. Ей велели добавить дров в костер, она опалила себе ладонь так, что запахло жареной кожей, но ничего не почувствовала.

Утром светило солнце. Хозяин ходил по вялому сахарному лесу и уже подробно считал убытки. Кто-то из работающих все еще работал, многие лежали в своих хижинах, болели от пережитого холода. Работающий, отвечавший среди работающих за подготовку к смерти, сделал для Хоуп гроб. Голд обмыла ее тело, придерживая куски кожи на спине, чтобы они не отвалились, передела ее в свое белое платье. Другие работающие принесли гроб, и Хоуп туда сложили. Гроб перенесли в большую хижину, которая работала для работающих церковью. Вокруг работающие начали тихо петь – провожать Хоуп и ее улетающую душу. Высокая и широкая Голд возвышалась над всеми и не пела. В гробу Хоуп перевернулась на правый бок, и сквозь белое платье на ее спине проступила кровь.

3. Своими словами

– Братец Череп, я вроде бы лежу, а сил совсем нет, не знаю, что со мной. Не могу подняться.

– Ну и валяйся. Так удобнее. Видишь звезды?

– Да, Братец Череп, очень яркие, красивые, слепят даже.

– Веришь, что на них тоже кто-то живет?

– Я не знаю, Братец Череп. Может, и живет. Если честно, то мне все равно. Я родилась в городе посреди степи, над которой НЛО пролетали по несколько раз в год. А однажды три ровных розовых шара зависли прямо над детской площадкой, где находились мы – совсем маленькие дети и наши молодые матери.

– И что?

– Ничего, они улетели.

– Домой?

– Наверное. Чего им у нас делать? Даже сахара в магазинах не было, прекратили спецснабжение, закрылся военторг. Только сгущенку продавали в пятилитровых банках. Мы ее покупали вместо сахара.

– То есть ты не видела их?

– Кого?

– Прилетавших?

– А, пилотов? Нет.

– Как думаешь, какая у них кожа?

– Ну не знаю, Братец Череп. Может, зеленая. А может, серая.

– Прозрачная?

– Кстати, да, может, и прозрачная. Знаешь, есть такие рыбы. И лягушки.

– Однажды на плантацию Хоумплейс прилетели гости. Дело было ночью. Рабы спали в своих хижинах. Хозяева спали в своем большом доме. Надзирающие – в своих пристройках. Гости прибыли сразу на нескольких летающих кораблях, полукруглых, как клубни картофеля. Те, кто проснулся из каллад народа, думали, что гостей послал Бог освободить их.

– А на самом деле?

– Гости так и не спустились на плантацию, просто зависли над ней и с помощью ярких звездных лучей забрали и весь каллад народ, и белых людей в свои корабли. Все двести сорок шесть человек. Два месяца их не могли найти. На этой большой плантации созрел хлопок, но рабы, которых привозили туда, – даже под страхом порки – отказывались ступить на эту землю. Урожай разнес ветер. Домашние звери или умерли от голода, или сбежали, по плантации не ходили даже крысы. Однажды – также ночью – гости прилетели снова и с помощью лучей вернули все двести сорок шесть человек. Но только каллад народ не был теперь каллад. И белые не были белыми. Теперь у всех людей, похищенных с плантации, была прозрачная кожа, сквозь которую виднелись мясо, мышцы, жилы. Все жители Хоумплейса были неотличимы.

– Что с ними стало дальше?

– Приехали представители властей и военные, забрали их. Многие из прозрачного народа плакали и молились, когда их забирали. Или просто молчали. Но некоторые кричали, что они белые, что разговаривают иначе, без каллад диалекта, и волосы их светлые, но их не слушали. Больше прозрачных людей никто не видел. Переверни меня глазницами вверх, я посмотрю тоже на звезды.

Я сделала, как просил меня Череп: перекатила его на костяной затылок. Мы лежали и глядели на яркую сыпь на небе. Потом Череп снова принялся рассказывать главную историю. Привожу ее своими словами.

* * *

Хоуп проснулась на кухне в белом доме. Кристина спала в противоположном углу очень тихо. Она, как всегда, спала, будто ее нет. Хоуп умыла на улице лицо, расчесалась гребнем, заплела плетенку. Голова работающего Самуэля торчала из-за забора. Она пожелала Хоуп доброго утра и поклонилась так, что скрылась за забором. Хоуп улыбнулась Самуэлю за то, что он рисковал. Хоуп принимали работающие, но не хотели с ней взаимодействовать сильно, тем более родниться. Лечащая Маргарет советовала внуку Самуэлю держать дистанцию с работающей, из-за которой на восемь плантаций спустилась зима. Точно никто не знал, говорили, что смерти не было, но два десятка человек из Очень сильных перешли в Сильные средне и даже Слабые: пятеро работающих мужчин и женщин лишились некоторых пальцев на ногах и руках, у троих работающих детей случились воспаление легких и тяжелые простуды, некоторые работающие остались со слабыми легкими, пожизненными головными болями, текущими носами. У Надзирающего сгорела в костре половина лица. И все для того, говорили работающие, чтобы у одной чернокожей девочки остановилась кровь в ранах. Но Самуэль не мог находиться от Хоуп далеко, и каждое утро его голова торчала из-за забора.

Кристина вышла мыть складки своего лица. Без какого-либо выражения, но очень прочно она посмотрела на голову Самуэля. Та не скрылась, а тоже поздоровалась с Кристиной. Хоуп подумала, что Самуэль осмелел – раньше прятался. Хоуп вернулась в белый дом, разогрела остатки вчерашнего хозяйского ужина. Маловкусные и соленые. Хоуп смирилась с солью, проходящей через ее тело. Она понимала, что улететь не удастся. Они с Кристиной позавтракали. Они всегда молчали. Хоуп любила Кристину за это. Она никогда не мешала думать.

После того как мороз начал уходить, и у Хоуп в гробу потекли кровью раны, и она задышала и лежала дальше на животе три недели в их хижине, и края ее кожи тянулись друг к другу и срастались как могли, Голд сказала ей, что та выжила только потому, что она особенная, очень важная, и что у нее будет удивительная, другая жизнь. Хоуп не понимала, верит ли мать в то, что из-за нее заморозило плантации, но сама в это верила поначалу. Но она росла, втайне читала книги – остатки от Учителя и от Сына хозяев, которого отправили в далекое место, – и стала думать над словами «случайность» и «совпадение». Теперь, взрослая, она понимала: это совпадение – то, что на нее напала Хозяйка с плетью, а потом сразу случился мороз. Понимала, что ее кровь остановилась не из-за холода, а просто оттого, что ее маленькую спину накрыли двумя очень тяжелыми одеялами и что ее тело погрузилось в полумертвый сон от пережитого ужаса и боли, а не от холода. Смерти не было – как и воскрешения. А Джону, матери и всем остальным показалось, что душа перестала работать вместе с телом и даже ушла куда-то.

Но Хоуп ощущала, что все вокруг – работающие и неработающие – уверены, что мороз случился из-за нее. Голд думала – ради нее. Поэтому Хоуп все равно жила с запрятанной виной за потерянные пальцы и здоровье работающих, за проданных хозяевами-капиталистами работающих для возмещения убытков, за исчезнувшего работающего Джона. Говорили, что он сбежал, или погиб, или что другое. На плантации Хозяев Хоуп один работающий потерял палец на левой ноге, одна еще молодая работающая не смогла дальше иметь детей. Мороз уничтожил урожай и запасы работающих и неработающих. Всем полгода после не хватало еды. Но больше всего неработающие не могли простить Хоуп потерю Джона. Он был дипломатом между черными и белыми. В его присутствии наказания проходили мягче, его обычно посылали к Хозяйке, если о чем-то нужно было ее попросить. Хозяйка не воспринимала работающих как людей. Хозяин всегда повторял за ней. Но Джона она почему-то считала человеком. Некоторые работающие намекали на влечение Хозяйки, но многие говорили, что ей просто нравилось, как хорошо Джон умел играть на гармошке и петь. Многие другие работающие тоже неплохо пели, но не как Джон.

Хоуп тоже скучала по Джону, но в своей вине она не была уверена. Точно чувствовала, что она особенная – с чудесной, отдельной судьбой. Улететь не удастся, но удастся что-нибудь еще. Эту ее отдельность и особенность ощущали и работающие, и неработающие.

После своего завтрака остатками Хоуп и Кристина приготовили и накрыли стол неработающим. Дальше у работающих шел обычный долгий день труда в белом доме – обслуживания жизнедеятельности хозяев. Свиньями теперь занимался родившийся восемь лет назад работающий Фил.

Хозяйка Хоуп ненавидела и чуть боялась. Муж хозяйки повторял за ней. Но после того как Хоуп со своей покромсанной спиной вернулась в белый дом, ее никогда не наказывали больше. И так жестоко на плантации не наказывали больше никогда, словно Хоуп забрала на себя весь запас наказаний. Все три недели, что Хоуп болела в хижине матери, Хозяйке снилась девочка с наполовину белым и наполовину черным лицом. С наполовину желтыми и наполовину смоляными волосами. Девочка садилась Хозяйке на грудь и начинала снимать с нее кожу через рот. Когда Хоуп вернулась, сон снится перестал. Хозяйка успокоилась, решила относиться к Хоуп как к работающей силе, вернулась в поле надзирать и спасать плантацию. Хоуп продолжила работать в доме, постепенно забирала на себя все больше обязанностей, потому что она росла и крепла, а Кристина старела. Хозяйка общалась с ней формальной и даже строже, чем с другими работающими. Все боялись Хозяйку, даже равнодушная Кристина, но Хоуп теперь не боялась. Она совсем ничего не боялась: ни смерти, ни даже потерять мать, так как уже ее потеряла. Это все чувствовали. Хозяйка тоже. Хоуп хорошо работала, многое успевала, но Хозяйка понимала, что та только изображает из себя принадлежащую ей работающую, а на самом деле Хоуп – не она. Хозяйка ощущала, что Хоуп виновата не только в потерях ее любимого работающего и полугодового урожая. А в самом страшном – исчезновении ее детей. Сначала погибла Дочь, потом пришлось отослать Сына, которого Хозяйка не могла терпеть теперь с собой рядом. Может быть, потому что у него было такое же лицо, как у Дочери. А работающую Хозяйка видеть могла и хотела. Присутствие Хоуп давало ей надежду, что она еще может отомстить сильнее. Просто она пока не придумала, как это – сильнее. И Хоуп знала, что сможет отомстить Хозяйке, и тоже еще не придумала и не спешила.

Хоуп не переживала из-за неработающих. Она мучилась из-за работающих. Ее народ – не совсем ее народ. Хоуп-подросток ходила к Маргарет за помощью, когда сильно шла кровь и болел живот. Пыталась разговаривать с Маргарет про совпадение, тяжелые одеяла, сон от ужаса, а не от мороза. Маргарет помогла Хоуп с ее женскими болями, но не стала слушать ее объяснения. Хоуп редко разговаривала со своими людьми, виделась с большинством работающих только в церкви. Редко приходила на праздники или сидеть у костра. Она, как и мать, никогда не пела. Ее не гнали, но специально с ней не заговаривали и не дружили. Только Самуэль пытался.

Но Хоуп разрешили участвовать в борьбе. Обычной, всеобщей борьбе работающих с неработающими. Той, в которой будущие работающие бросались с палубы корабля в море посреди океана еще до того, как их довозили до берега для пересадки и перепродажи или до мест с работой. Кидались поодиночке, или вдсятером, или двумя сотнями. Той, в которой работающие на месте работы сами себе отрезали пальцы, выбивали колени, резали кожу, ломали рабочие инструменты. Той, в которой работающие забирали себе чуть, но часто хозяйского сахара, хлопка, кукурузы, батата, картошки. Той, в которой работающие тратили свои силы на выращивание собственных овощей, приготовление себе еды, выкапывание тайных хранилищ продуктов. Все эти – даже самые маленькие – действия собирались вместе и приносили хозяевам-капиталистам убытки, которые делали их беднее, значит – несчастнее. Работающие очень хотели сделать неработающих несчастными. Даже невозможный мороз радовал некоторых работающих, так как они восприняли его как часть борьбы. Той борьбы, в которой Хоуп во время приготовления еды складывала себе в карман фартука на животе картофелину,

или батат, или морковь, или лук, или несколько стручков бобов, куски сахара или мяса, во время стирки – кусок мыла или обмылок, во время снятия белья с веревки – застиранное полотенце или наволочку, во время уборки – что угодно: катушку ниток, ошметок веревки, закатившуюся монету. Лечебные порошки время от времени по чуть-чуть Хоуп пересыпала в тряпки. Она умела читать. Большинство работающих – нет. Маргарет тоже не умела. Хоуп завязывала один узелок на свертке с порошком для желудка, два – с порошком для головы, три – с порошком, понижающим жар, и снова один – с порошком для мази для мозолей, и снова два – с порошком для мазей, затягивающих раны. Карман она закладывала тряпками. Дальше Хоуп ходила иногда весь день, даже перед хозяевами, с добычей в животе, потом шла в сторону хижин работающих, например туда, где она пряталась от близнецов, заходила за кусты, присаживалась, задирала фартук и юбку, но не мочилась, а приоткрывала крышку тайника, которых было несколько на плантации, и складывала туда добычу. Хоуп делала это при Кристине, та все видела, но молчала.

Хоуп не боялась и не попадалась. Даже стала пополнять карман своего фартука слишком часто. Маргарет подошла к ней в церкви и попросила не испытывать милость Бога. Хоуп делалась чуть осторожней. Но однажды на кухне положила луковицу в карман, подняла голову и увидела, что на нее смотрит Хозяйка. Работающая не испугалась, но поглядела на Хозяйку с ожиданием и интересом. Та просто ушла. Самуэль предложил Хоуп забирать у нее добытое от забора, но она отказалась, а Маргарет сказала внуку, чтобы он не примерял на себя чужую кожу, потому что в ней он обязательно попадет. А для Хоуп, в ее шкуре, возможно то, что не дается другим.

Хоуп по-прежнему постоянно было невероятно тоскливо и плохо без матери и часто больно. Кожа на спине предсказывала погоду: дождь, похолодание, ветер. Ныла, если Хоуп спала вверх животом. Ей тоже снились плохие сны: например, о том, что кожа ее спадает и убегает в виде девушки-пустышки, и ей самой становится очень холодно, и она видит мать, тянет к ней руки, хочет лечь на грудь, как в детстве, но Голд убегает от дочери в сахарный лес. А в жару, то есть часто, спина сильно чесалась. Ее некому было почесать, Хоуп терпела или чесала себя веткой. Со стороны казалось, что она сама себя сечет.

Хоуп не мучилась от одиночества, но ей было плохо из-за того, что некого попросить почесать спину и не с кем поговорить. Еще подростком она придумала себе и для себя игру: записывать все то, что она думает, своими словами. Чтобы было интереснее, она решила делать записи, как те тексты столбиком, которые показывал им пухлый Учитель. Бумажных листов в доме водилось мало с тех пор, как из него исчезли дети. Хоуп за ребенка не считали. Когда она еще занималась свиньями, она писала веткой на земле. И потом водила ногой, стирала дырявой подошвой. Дальше стала писать на тряпках намоченной в грязи иголкой, но это было сложно, неудобно, тряпок не хватало, и они требовались для ежемесячной крови. В деревянной пристройке валялись доски, неизвестно чего ждали, ждали большой широкой террасы, которую хотел строить Муж хозяйки, как у богатых соседей. А дальше он не смог, даже после смерти Дочери собирался в ее честь, а потом увидел, как его жена убивает работающего ребенка на маленькой террасе, и передумал. Когда жена отослала сына в школу, за которую из жалости заплатил ее родственник – хозяин-капиталист, Муж хозяйки решил, что прежде решил правильно.

На кусках непостроенной террасы Хоуп корябала мелким меловым или углевым почерком, мела осталось много от прерванного обучения. В сарае было хорошо, потому что там никого не было. Хоуп чувствовала его своей комнатой, в нем ей удавалось находиться полчаса в неделю. Самуэль через прогрызенные жуками дыры в сарае подглядывал, как она пишет. Она никогда не делала ничего другого, он это знал, но все равно приходил смотреть как. Доски очень подходили для текстов в столбик. После записи Хоуп складывала доски обратно и накрывала мешковиной.

Одним летом вся эта обычность прекратилась. На маленькую плантацию стали сыпаться люди. Трое мужского пола, из хозяев, в промежутке месяц между друг другом. Вернулся Сын хозяев. Он окончил школу и не хотел учиться дальше. Он собирался помочь родителям стать богаче. Превратиться в настоящих хозяев-капиталистов. Сделать плантацию прибыльной, работающих – эффективнее. Муж хозяйки обрадовался сыну, но не мог позволить себе сильно показывать радость. Хозяйка не обрадовалась, хоть пыталась делать вид, она растерялась, не понимала, как теперь действовать. Она надеялась, что сын не вернется никогда. А он приехал и собирался осчастливить родителей. Хоуп обрадовалась, она ощущала Сына хозяев как давно не виденного родственника. Она подумала, что его взрослость составлена из сплошной вытянутости – ног, рук, спины, носа, желтой челки. Это все было смешное и живое. Сын хозяев увидел ее стандартно, по-мужски, то есть поразился тому, что девочку подменили женщиной. Он учился на Севере, там было не так много работающих. Хоуп казалась ему диковинной. И думал: он хотел смотреть на нее чаще, потому что она диковинная или потому что она действительно ему важна и то, что он видит, – это красота? Сын хозяев жалел, что такая красота пропадает под кожей такого цвета. Сын хозяев жалел, что она работающая, он помнил, что с работающими играть нельзя. Хоуп приносила воду, и Хозяйка помогала мыться мужу или мылась сама, или ей помогала Кристина. Хоуп помогала Сыну хозяев и его сестре в детстве. Она и сейчас лила воду на его снежную длинную ровную спину с рыжими точками.

Сын хозяйки выпрямлялся и смотрел на Хоуп прямо, а она – на него. Так они могли провести две-три минуты. Голубые глаза смотрели в ее смоляные, а ее смоляные – в его. Это все происходящее ощутила Хозяйка, да и многие работающие. Голова Самуэля не здоровалась теперь с Хоуп из-за забора, она просто молчаливо глядела темно-рыжими глазами. Хозяйка чувствовала, что Хоуп одолевает ее, надо было скорее придумать способ избавления. Можно было заменить ее на кого-то, отправить ее в поле. Или продать и купить другую работающую. Хоуп выросла, многое умела и стоила дороже, чем в детстве. Но все это уводило работающую из дома, лишало Хозяйку возможной мести. Она любила простое: можно просто проткнуть работающую вилами, пока она спит на кухонном полу, закончить начатое. Хозяйка не получит за это наказания, скажет правду, что работающая воровала. Но сейчас она решила действовать сложно: ждать, что ее сын сам уничтожит Хоуп или ослабит, Хозяйка тогда продаст ее, а ребенка работающей от сына оставит около дома ухаживать за свиньями.

Но Хоуп решила использовать Сына хозяев для удовольствия. Она подумала, что многие Хозяева используют работающих для удовольствия, а она сделает наоборот. Если получится плод, то она обратится к Маргарет. Самуэля она не хотела использовать, его было жалко. Хоуп пришла к Сыну хозяев ночью, разделась, он покраснел, и эта краснота виднелась на его снежной коже даже в слабом свечном освещении. Сын хозяев смотрел на Хоуп, восхищался, хотел, боялся. Она потянула свой рот к его и потянула свою руку к его низу. Тут Сын хозяев вспомнил, кто он, вспомнил мать, плантацию и шепотом обозвал Хоуп словом, происходящим из цвета ее кожи, точно таким, которое использовала Хозяйка, а он повторял в детстве, повторил и сейчас. Хоуп улыбнулась. Он повторял это слово снова и снова. Заклинанием, шепотом. Хоуп толкнула его. Он упал на пол, задел железку кровати, поцарапал спину.

Сын хозяев решил не отвлекаться и заниматься хозяйством: сделать плантацию более капиталистической, даже более прибыльной и современной, чем у соседних богатых хозяев. Он объяснил матери и отцу свой план: заложить дом, купить машин, обучить им работающих, растить в два раза чаще сахарный лес, купить у соседа земли, расширяться, растить в четыре раза чаще сахарный лес, потом в шесть, потом в восемь, разрастаться. Нанять на все надзирающих. Но не приобретать новых работающих, а обходиться старыми, не вырабатывать их до Сильных средне и Слабых, сократить их часы работы и нагрузку, восстановить Сильных средне в Очень сильных, а Слабых в Сильных средне. Муж хозяйки не выдержал: «Ты еще предложи их освободить!» Сын хозяев снова покраснел: «Не надо их, конечно, освободить». Хозяйка

предложила сыну забыть свои северные мысли и велела начать надзирать за работающими и управлять ими самому. Сын хозяев обиделся: он очень хотел помочь родителям разбогатеть и хотел хоть чуть загладить свою вину за смерть сестры. Но он решил ходить на плантацию, чтобы надзирать и управлять, получалось плохо, некапиталистически, работающие его не слушались, а слушались только Мужа хозяйки, но сильнее всего – саму Хозяйку. Она возмутилась: сын собрался забрать у нее ее главное. Ее свободу. Право владеть, продавать и покупать людей. Единственную свободу, которая ей досталась. Ей подарили ее первого работающего на четвертый день рождения. Муж никогда не покушался на ее главное, потому что не умел владеть как надо: его семья ела за одним столом со всеми тремя работающими, которые у них были.

Хоуп не носила теперь Сыну хозяев воду для умывания, он боялся, притаскивал сам или звал Кристину. Хоуп напонила себе не впускать в свою голову мысли про Сына хозяев и уж точно не жалеть его и не злиться пока на него. Она чувствовала, что будут еще возможности вырасти, получить удовольствие, изменить свою жизнь и остальных. С каждым утренним просыпанием она ощущала себя сильнее и сильнее. Это было продолжением ее наследования силы Голд. Эта сила проявилась еще тогда, когда Хоуп совсем ребенком договорилась сама с собой не впускать себе в голову заботы Хозяев, когда придумала подглядеть учебу и научилась писать и читать, когда решилась убежать к матери, когда сумела пережить атаку Хозяйки, а потом мороз, когда прожила все это время в белом доме как работающая, но все равно владеющая собой, когда стала писать слова в форме псалмов. Все это – сила Голд, которая ушла не в тело, а внутрь. Хоуп очень хотела рассказать об этом всем матери, чтобы та гордилась и была спокойна. Все, что она знала, – что мать жива, и Голд знала, что Хоуп жива. Голубоглазый надзирающий тогда сам отвез Хоуп обратно в белый дом Хозяйки и пообещал работающей, что, если она снова сбежит к матери, он застрелит обеих.

Вторым на плантацию заехал Лечащий человек с тонкими губами и кожным островом на голове среди серых волос. Он разговаривал с Хозяйкой про климат, влажный и жаркий, про его влияние на кожу. Лечащий человек приехал с другой стороны Юга на сборище лечащих людей в город, который находился недалеко от этой плантации. Хозяйка злилась: надо надзирать за работающими, как они сажают тростник. Муж и сын недонадзирают. А Лечащего человека приходилось поить чаем и тащить с ним беседу. Чай принесла Хоуп. Лечащий человек посмотрел на работающую гораздо дольше, чем смотрят на работающих, часто на них не смотрят совсем, а этот поглядел, и губы его вроде как стали толще. Хозяйка просто спросила, хочет ли он купить свинью: многие доктора переливали от свиной крови пациентам, как она слышала. Но Лечащий человек сказал, что хочет купить Хоуп. Хозяйка просто спросила почему. Он ответил, что ему рассказали в городе, как эта работающая выжила чудесным образом в детстве. И ему очень интересно почему. Он предложил цену в два раза большую, чем за Хоуп должны были просить в белом мире. Хозяйка обещала посоветоваться с мужем и сыном. Но она не собиралась с ними советоваться – только с собой: с одной стороны, продать Хоуп – значит потерять ее для мести, с другой стороны, продать ее Лечащему человеку, скорее всего, и означает страшную месть. Разговор слышала Кристина, отмывающая остатки тела крысы из-под лестницы. Хоуп не знала, что Кристина ощущала себя ее бабушкой, которая мало может сделать для внучки. Кристина пошла к Маргарет, поговорила с ней. Та поняла, что за Лечащий человек к ним заехал, и стала молиться. Их разговор слышал Самуэль. Следующим утром, пока Маргарет спала, он набрал из тайника в сумку овощей, порошка от простуды, мыла, нож. Голова Самуэля не пожелала доброго утра, а подозвала Хоуп и рассказала, что ее хочет выкупить Лечащий человек, которого проклинают и боятся все работающие Юга, потому что он скупает их проводить над их телами эксперименты, получая таким образом знание для лечения тел хозяек. Как и многие хозяева, он не испытывает жалости, режет работающих женщин и девочек без обезболивающего. Хоуп отказалась бежать с Самуэлем: он остался один у Маргарет, дочь и муж умерли. Хоуп не испугалась, но подумала, что это и есть ее особая судьба

и возможность расплатиться за морозные жертвы перед ее народом – поехать вместе с человеком, который истязает работающих, и убить его и тех, кто с ним работает. Хоуп понравилось такое ее наследие, она начала планировать.

Третьим на плантацию заехал Учитель. Он теперь носил стекла на глазах, отрастил волосы на подбородке и больше походил на учителя. Он сам доучился в университете, в городе рядом остановился у родственников, как и в прошлый раз. Хозяйка совсем не радовалась его приезду, не стала переодеваться для него в какое-то особенное платье, злилась. Надо надзирать за работающими, сорняки захватили будущий лес, все работающие – Очень сильные, Сильные средне и Слабые – должны были их уничтожить. Муж и сын недонадзирают. А приходилось поить Учителя чаем и тащить с ним беседу. И утешать. Чай принесла Хоуп. Когда он спросил, может ли он увидеть своих прежде учащихся, особенно Дочь, Хозяйка просто ответила, что Дочь укусила собака и та умерла. Старая новость про смерть Дочери хозяев поразила его. Хозяйка утешала его по поводу смерти своей дочери. Учителю стало обидно: он приехал сюда, чтобы найти жену, – пока ждал известий о работе, он подыскивал себе жену. Учитель ценил не приданое, а способность слушать его и восхищаться им. Он помнил, что Дочь хозяев выглядела мило и его преданно слушала. Он был готов сделать ей предложение, если бы она выросла красивая, но она оказалась мертвая. Сын хозяев выжил, но он не был нужен Учителю, на нем не женишься. А Сын хозяев Учителю сильно обрадовался. Как и для сестры раньше, образованный городской хозяин мужского пола, Учитель стал редким и нужным человеком для Сына хозяев. Недодругом или приятелем, но еще лучше, чем те, что были у него в школе, потому что Учитель помнил рай на плантации, когда были живы оба близнеца. Сын хозяев пригласил Учителя остаться, разместил его в своей комнате, сам спал на полу там же. Сестрина была закрыта. Когда родители ушли в поле, Сын хозяев остался и обсуждал с Учителем политику, философию, другие городские дела. Вынес из кладовки ром, сваренный на плантации. Напился, чего не делал со школы. Учитель принес ему ощущение свободы. Они ходили на реку грустить: Сын хозяев показывал ему место, где его сестру укусила собака. И на себе тоже показывал: вот тут, в мягкое на правой руке, между большим пальцем и указательным. Он долго жаловался Учителю на заledenелость матери, неготовность к его прогрессивным идеям по перерождению плантации. Потом они открыли вторую бутылку и дверь сарая. Сын хозяев показал Учителю доски Хоуп, чтобы развлечь его. Не только Самуэль, но и Сын хозяев подглядывал за Хоуп через прогрыз в стене. Сын хозяев рассказывал, как работающая незаконно училась у Учителя писать и слушала поэзию, делая вид, что работает. Учитель снял очки и протрезвел. Перебрал, почитал доски. Бормотал, что она как Филлис. Попросил Сына хозяев познакомить с Хоуп. Тот отвел его к Хоуп, она мыла посуду, а на самом деле занималась тем, что придумывала, как она убьет Лечащего человека и что сделает с собой после. Учитель спросил, есть ли еще такие тексты, как на досках. Хоуп узнала Учителя, поняла, что эти мужчины-хозяева пьяны. Достала из подпола, где лежали продукты и их с Кристиной предметы, несколько тряпочек и показала Учителю. Он держал холодные, замороженные тексты, и его руки дрожали.

Во время ужина Сын хозяев мучился похмельем и икал, а Учитель совсем протрезвел. После еды он предложил Хозяйке продать ему Хоуп и назвал неплохую цену. Сын хозяев удивился. Хозяйка ответила, что сожалеет, но уже обещала продать ее другому Хозяину. Учитель пытался выяснить за сколько и повышал стоимость Хоуп, но Хозяйка повторяла, что товар уже продан. Сын хозяев злился на мать. А она подумала, что вот и решилось и что надо написать Лечащему человеку в город, позвать его, чтобы он приехал с деньгами и забрал работающую.

Солнце еще собиралось всходить, Сын хозяев разбудил Хоуп, велел взять все ее предметы и идти за ним: у нее появился новый Хозяин. Хоуп была готова к этому, но надеялась попрощаться с Маргарет, Кристиной, Самуэлем, попросить передать Голд важные слова, которые когда-нибудь добрались бы до нее. За забором на дороге стояла повозка, Самуэль привязывал к ней доски. Хоуп обрадовалась ему, еще узнала свои текстовые доски с белыми и чер-

ными буквами, удивилась им, но решила не отвлекаться. В повозке сидел ее Новый хозяин. Работающая нашептала Самуэлю три предложения для матери и попросила его подарить ей нож, лезвие которого пряталось в рукоятку и возвращалось обратно. Самуэль плакал и отдал ей нож. Сын хозяев не плакал, но почему-то помог ей подняться в повозку и дотронулся до ее руки, будто она была женщина-хозяйка, а не работающая. Лошади крутили ушами и хвостами в темноте. Новый хозяин ударил по их спинам хлыстом. Поехали. Хоуп опознала окончание плантации бывших Хозяев, плантацию соседа – богатого капиталиста, реку, мост, перед которым свернули направо, на ту дорогу, по которой несколько лет назад без возврата уехал Джон. Хоуп сжимала открытый нож пальцами. Можно было ударить и сбросить тело в реку. Но работающая все не решалась. Злилась, что ей не хватает жестокости Хозяев. На Нового хозяина не смотрела, чтобы не начать жалеть его. Чуть посветлело. Решилась взглянуть, чтобы понимать, куда бить. Хоуп повернула влево голову и увидела Учителя.

Хозяйка ничего не могла. Сын предъявил ей много банкнот за Хоуп (за доски с текстами там тоже было, но Сын хозяев не стал уточнять). И подписанную им и Учителем бумагу. Тут заканчивались Хозяйкина власть и свобода. Ее пол был всего лишь женский, и совершеннолетний сын мог без ее ведома продать ее работающую. Хозяйка попросила сына уехать обратно в город, в любой город, в который он захочет, и обещала дать ему денег. Сын хозяев отказался и остался на плантации.

Главный город Хоуп нравился, но она почти его не видела: проспала его улицы, когда въезжали. Хоуп видела предыдущие города, они были каменные и многолюдные, но меньшие по размеру. Чем северней они двигались с Новым хозяином, тем меньше на улицах и в гостиницах она видела работающих. Хоуп понимала, что Новый хозяин не до конца знает, как обращаться с ней. Он расхваливал ее тексты на досках и на тряпках. Но селил ее в специальных комнатах в гостиницах с другими работающими. Велел ей стирать и гладить его белье, чистить обувь.

В Главном городе Новый хозяин поселил ее в своем доме, узком, высоком, воткнутом в общую стену других домов, в одной комнате с еще двумя работающими – мужем и женой, немолодыми, но еще Сильными средне, как определила Хоуп. Раньше домашние работающие жили в комнате как в собственной, они плохо приняли Хоуп. К тому же тут она вроде бы не работала. Теперь стирала, гладила белье, чистила обувь работающая Алиса. Она же убиралась и ходила за продуктами. Ее муж, работающий Роб, готовил еду и надзирал за хозяйственными деньгами. Свою одежду Хоуп стирала и гладила сама. Новый хозяин купил ей три платья: домашнее, прогулочное и совсем дорогое и красивое. Две пары обуви. Два комплекта белья. Две шляпы. Новый хозяин постоянно находил Хоуп занятия, непохожие на ее предыдущие. Поначалу они встречались у него в библиотеке, где Хоуп надиктовывала ему тексты со своих досок, Новый хозяин по-ученически записывал. Потом он пропал, и Хоуп старалась помогать Алисе в работе по узкому дому, та отдавала ей самые грязные куски работы. Хоуп не была против. Ела она с работающими на кухне, и они обычно молчали при ней.

Новый хозяин несколько раз приглашал Хоуп на утренний кофе. Тогда она держала чашку и даже пила из нее прямо за хозяйским белым столом. Новый хозяин обычно обсуждал с Хоуп касающиеся ее дела или рассказывал новости. Алиса и Роб обслуживали ее в том числе, как неработающую, и Хоуп снова теряла свой народ.

Во время кофейного разговора Новый хозяин спросил ее, какое бы второе имя после Хоуп она бы хотела. И быстро предложил Вуд – потому что Хоуп писала на деревяшках. Голд – Хоуп сказала. Новому хозяину показалось это слишком просто, но он согласился. Подумал, что можно взять временно за деньги какой-нибудь предмет из золота и надевать его на Хоуп на события, когда они состоятся. На другой кофейный разговор Новый хозяин принес газету, там большими буквами был написан вопрос: «Хоуп Голд – новая Филлис?» – и буквами мельче тоже вопрос: «Могут ли работающие писать стихи?» После этого шел текст в широкий столбик

о Новом хозяине Хоуп, о том, как он щедро научил работающую писать и читать в детстве, как приучил ее любить поэзию, как обнаружил ее повзрослевшую и пишущую на деревянных досках посреди сахарного леса, но спас ее от тяжелого труда. Дальше на странице торчали некоторые тексты Хоуп узкими столбиками. Про сахарный лес, про мать, про наказание, про полет – возвращение домой. Хоуп спросила, сколько еще людей могут читать эту газету. Сильно радостный, Новый хозяин ответил, что очень много – возможно, несколько тысяч хозяев. Хоуп чувствовала себя испуганной и сильно слабой оттого, что столько много неработающих людей сами залезут к ней в голову – и узнают про ее мать, бабушку и дедушку, Хозяйку и ее саму.

На первое событие Новый хозяин попросил Хоуп надеть прогулочное платье и привез ее в каменный дом с колоннами и каменным львами, где в высоких комнатах лежали книги с разноцветными боками. В одной из комнат с окном до пола Хоуп велели сесть за одиночный стол с листами бумаги и банкой черных чернил. Вокруг нее собрались четверо неработающих – двое седых, двое моложе. Новый хозяин Хоуп ждал за дверью. Четыре часа Хозяева просили Хоуп писать при них тексты в столбик о природе плантации, с которой Хоуп привезли, о Боге и его ангелах, о вазе с цветами на подоконнике, о стране, об этом доме со львами. Хоуп писала. Они по очереди поднимались, ходили вокруг, смотрели, чтобы она не списывала. Когда она заканчивала текст, забирали бумагу, обсуждали громко между собой, говорили про Хоуп словами: «она», «работающая» и слово, которым бывшая Хозяйка и ее сын называли ее. Потом Хоуп разрешили уйти.

Новый хозяин за кофейным разговором сообщил Хоуп, что Комиссия неработающих признала, что свои стихи Хоуп написала сама. Как и Филлис. И теперь они согласны выпустить книгу. Но текстов пока мало, и Хоуп должна написать больше. Новый хозяин подарил Хоуп книгу в обложке из коричневой кожи. Страницы внутри пустовали все. Новый хозяин велел Хоуп заполнить их в полтора месяца. Он оставлял ее утром в комнате, где он принимал гостей и ел, в обед и в ужин проверял, сколько она написала. Получалось мало. Новый хозяин ругал ее за лень, рассказывал, как она подводит его перед публикационным домом, который собирался печатать ее книгу, объяснял, как ей повезло, что она не делает домашней работы и не сажает сахарный лес. Хоуп тошнило, она хотела снова делать просто работу работающих, домашнюю или даже полевою. Новый хозяин велел Алисе давать Хоуп в два раза меньше еды и не кормить ее обедом. Как учитель, он считал, что ученики лучше думают с пустым телом.

Новый хозяин вывез Хоуп на два события, для которых он просил ее надеть самое красивое и дорогое платье. События были близнецами друг друга. Каждый раз – в больших каменных домах, в главных комнатах собирались неработающие в дорогой и красивой одежде и слушали, как Хоуп читала вслух свои тексты. Их предварительно отбирал Хозяин. Он говорил вступительные слова, рассказывал, как научил Хоуп читать и писать, как обнаружил ее золотым самородком, как она писала мелом и углем на досках. Это неработающим особенно нравилось. Хоуп читала. Ей и Хозяину аплодировали. Дальше неработающие обступали ее плотнее и спрашивали: принято ли было в ее племени писать стихи на досках или деревьях, кто из поэтов для нее главный, собирается ли она продолжать поэзию после рождения своих работающих детей? Новый хозяин был зол на нее за медленность заполнения страниц в книге, но на событиях общался с ней как с неработающим ребенком. После событий он ее хвалил, но просил во время чтения усиливать диалект работающих, а не переходить на язык хозяев, как Хоуп часто делала.

Хоуп попросила Нового хозяина принести ей книжку, заполненную стихами Филлис. Они Хоуп не понравились: будто Филлис писала не своими словами, будто хозяева залезли ей в голову. Но у Филлис была книжка, а у Хоуп нет. Время заканчивалось, стихи скрипели медленно, Хоуп худела. Купленные хозяином платья висели. Она сидела часами без движения за столом в комнате и ждала, когда Новый хозяин придет есть и ругать ее. Даже домашние работающие стали жалеть Хоуп. Алиса накладывала ей обычную порцию еды. А однажды спросила

ее, о чем она писала раньше. Хоуп подумала и ответила, что о себе. Алиса сказала ей, чтобы и писала о себе дальше и не морочила голову ни хозяевам, ни работающим. Хоуп снова подумала и стала писать о себе.

Новый хозяин отвез заполненную книгу Хоуп в обложке из коричневой кожи на четыре дня позже срока. В печатных буквах она появилась через месяц. На обложке были первое и второе имя Хоуп и ее черно-белый портрет, который с нее настоящей срисовал художник. Хоуп вернулась к работе работающей. Ходила по лестнице узкого дома, смывала с нее грязь и пыль, стирала, гладила, выносила помой, ходила в лавку. Новый хозяин за кофейными разговорами читал ей газетные отзывы на книгу: Хоуп хвалили, Нового хозяина хвалили за то, что разглядел золотой слиток в пыли сельского Юга, но добавляли, что Хоуп слишком потянулась за своим погано-языческим и работающим происхождением и не может быть приравнена к Филлис, которую тоже нельзя, конечно, считать равной поэтам-хозяевам, но которая хотя бы брала их за идеал. Их приглашали на новые события, Новый хозяин составил расписание, но тут напечатали текст, в котором Хоуп, а главное – и откопавший ее посреди южной сельской грязи Хозяин обвинялись в прославлении язычества и отказе от христианства, в призывах к массовому полету, то есть побегу работающих, в клевете на усердно работающих на плантациях хозяев. Новый хозяин не зачитывал эту статью Хоуп и сам решил не обращать на нее внимания. Но вскоре главу публикационного дома вызвала власть. Оставшийся тираж забрали из книжных лавок и уничтожили. И Нового хозяина тоже вызвала власть и стала думать, что с ним делать. Про Хоуп как виноватую власть не думала. Она просто собиралась забрать работающую как часть имущества Нового хозяина и отправить работать в сахарный лес. Но Новому хозяину пришло письмо, которое он забыл ждать из-за книги Хоуп. Его приглашали на работу на другой бок Земли. Преподавать во дворце. Новый хозяин сильно обрадовался. Только расстраивался, что не успел жениться. Теперь придется брать в жены дочь дикарей. Он знал, что даже во дворцах там дикари. Велел своим работающим собирать его вещи. И их. Хоуп впервые после того, как ее выкупил бывший Учитель ее бывших Хозяев, почувствовала, что наступает изменение ее судьбы. Через неделю все жители тощего хозяйского дома лежали, сидели, стояли на досках корабля, который шел по океану. Хоуп думала своими словами: я все-таки полетела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.